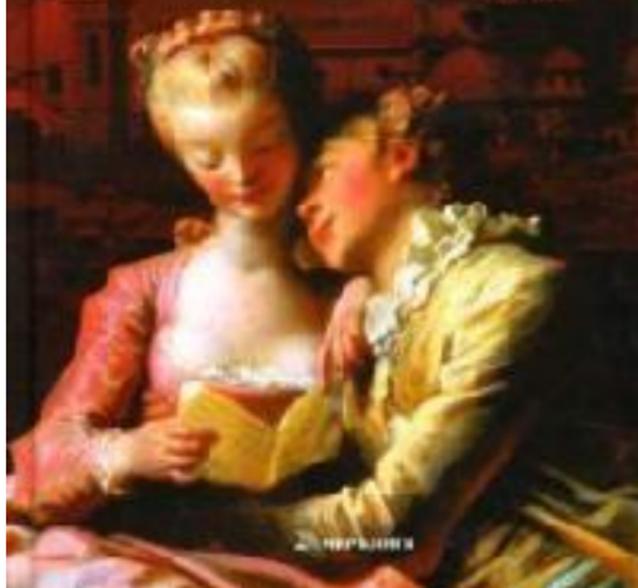

Франциска
Вульф

Заговор
во Флоренции

2014

Франциска Вульф

Заговор во Флоренции

OCR Roland; SpellCheck Anita
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158801
Заговор во Флоренции: Мир книги; Москва; 2007
ISBN 978-5-486-01401-7

Аннотация

Журналистка Анна, получив задание написать репортаж о театрализованном представлении во Флоренции в духе Средневековья, не подозревает, что эта поездка перевернет всю ее жизнь.

На светском костюмированном балу ей предлагают выпить волшебный напиток, который погружает ее в глубокий сон. Очнувшись, она оказывается во Флоренции XV века. Здесь она влюбляется в младшего брата Лоренцо Медичи – Джулиано. Но жизнь знаменитой флорентийской семьи под угрозой, и Анне тоже грозит смертельная опасность.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	46
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Франциска Вульф

Заговор во Флоренции

ГЛАВА 1

Флоренция, 25 апреля 1464 года

Козимо дергали, толкали локтями, пинали ногами и давили со всех сторон. То толпа несла его за собой, то он утопал в ней. Сегодня был базарный день. Из всей Флоренции, с ее окрестностей на рыночную площадь тянулся нескончаемый поток людей. Вокруг рядов сустились торговцы и прочий ремесленный люд.

– Куда ты пропал? – крикнул своему другу Джакомо. Голова Козимо на мгновение мелькнула из толпы, потом снова исчезла. – Иди же скорей! Поторопись!

– Иду! – крикнул Козимо, глубоко проклиная себя за то, что собрался на рынок именно в этот день. С ожесточением вырвав из скрюченных рук беззубой старухи край своей рубахи, он потерял равновесие и столкнулся со здоровенным верзилой. Тот не заставил себя ждать и двинул его локтем. От боли Козимо слегка вскрикнул, с трудом перевел дух и, схватившись за грудь, попытался протиснуться сквозь толпу. Это был ад, будто над Флоренцией разверзлась бездна.

Вообще-то ничего удивительного в этом не было. В любой базарный день в город, как обычно, со всей округи стекались тысячи людей. И все-таки сегодняшний день был особенным. Сегодня Флоренция принимала гостей со всего света. Здесь можно было увидеть и приобрести диковинные товары, которые обычно были по карману лишь очень состоятельным гражданам. Чего здесь только не было! Смуглолицые торговцы в пестрых национальных костюмах предлагали экзотические пряности Востока, источающие дивные ароматы. Их смоляные глаза были черны, как темное ноябрьское небо. Взвешивая свой драгоценный товар на точных аптекарских весах, захватывая пальцами горстки перца и гвоздики или палочки благоуханной корицы, они позвякивали тяжелыми серебряными браслетами, а на их поясах поблескивали лезвия кинжалов.

Всего в нескольких шагах от восточной экзотики находились развалы разноцветного венецианского стекла, сверкавшего и переливающегося в лучах солнца, как драгоценные камни. И, не успев насладиться видом чудного бокала из венецианского стекла, ты уже оказывался во власти соблазнительных ароматов, источаемых цитрусами из Сицилии, искусно выставленными продавцами в виде затейливых пирамид. От одного их вида текли слюнки.

В другом ряду человек в длинном халате, с тюрбаном на голове, торговал гигантскими живыми птицами с великолепным сине-зеленым оперением. Козимо знал, что эти редкие

птицы зовутся павлинами. Будучи вместе с отцом и дядей в длительном торговом путешествии, он увидел павлина во дворе одного восточного князя, который пригласил их погостить в своем роскошном доме. Многие флорентийцы лицезрели это чудо природы впервые. Неудивительно, что вокруг торговца павлинами всегда толпились зеваки. Преодолевая натиск толпы, словно плывя против течения, Козимо обнаружил товары из льна, привезенные с далекого Севера, куда не доходили даже торговые связи самих Медичи. Торговцы льном – мужчина и женщина – были необычайно высокого роста, с ослепительно белой кожей, лучезарными голубыми глазами и волосами цвета льна.

Но Козимо было не до красот базара. Он не мог позволить себе поглазеть на все товары, не мог насладиться представлением канатоходцев и огнеглотателей, отведать хрустящих лепешек или горячих колбас, которые наперебой предлагали базарные булочники и мясники. Не развлечения ради пришли сюда они с Джакомо. У них была совсем иная цель.

– Ну, иди же скорее, – нетерпеливо твердил Джакомо, снова заметив над толпой голову друга. Схватив Козимо за рукав, он резко потянул его на себя. – Скоро будем на месте. Это вон там.

В дальнем конце рынка, за торговыми рядами, стоял неказистый шатер, сливавшийся по цвету с близлежащими каменными домами и булыжником базарной площади, словно стараясь укрыться от чужих глаз. Его вполне можно было не

заметить, если бы не многочисленные молодые парни и девушки, тайком пробиравшиеся сюда из разных уголков города и терпеливо стоявшие у занавешенного простым брезентом входа.

Козимо и Джакомо, встав в очередь, терпеливо ждали. На обоих была одежда простых сапожников, благодаря которой они совершенно не выделялись в толпе. Но, несмотря на это, Козимо сделал вид, что его сюда якобы занес чистый случай – как бы за компанию с другом. Красноречивые взгляды прохожих заставляли краснеть его до кончиков волос. Он очень боялся, что вся Флоренция узнает, с какой целью он явился сюда. А дело было в том, что здесь жила колдунья, к которой, по древнему обычаю, приходили молодые девушки и юноши с просьбой, чтобы та предсказала им будущего жениха или невесту или совершила приворот. Ловя то радостные, то разочарованные взгляды собравшихся, Козимо погружился в собственные мысли. Конечно, присутствие ведьмы на базаре не слишком приветствовалось церковью, но надо отдать должное епископу – он старался смотреть на это сквозь пальцы. Колдуны, как фокусники и шарлатаны, были испокон века неотъемлемой частью базарной жизни. Впрочем, Козимо не мог отделаться от мысли, что где-то здесь, в толпе, скрывается соглядатай епископа, наблюдающий за всем происходящим.

В очереди перед ним шушукались и хихикали две молодые девушки, которые, судя по залатанной одежде и чепчи-

кам на голове, были, скорее всего, кухарками. Одна из них, с прыщавым лицом, была косоглазая. Другая, напротив, была довольно хороша собой. Первая девушка робко улыбнулась Козимо, и он смущенно отвел от нее взгляд. Знай она, кто скрывался под жалким тряпьем сапожника, вряд ли посмела бы ему улыбаться. В лучшем случае потупила бы взгляд в его присутствии.

– Старый конюх в доме моего дяди рассказывал, что сам отец обращался к Арианне за советом. Говорят, она обладает прямо-таки чудодейственной силой, – шепнул Джакомо своему другу. – Испробуем зелье сразу? Какую из этих девок выбираешь?

Ухмыляясь, он отвел Козимо в сторону. Вот для чего они пришли сюда: с помощью приворотного зелья они хотели соблазнить девушек. Но Козимо не собирался проверять силу зелья на этой прыщавой кухарке. Нет, не для того он здесь. Он мечтает о Чиаре де Питти, черноволосой красавице, о Джулии Бицци, дочери банкира, у которой такие дивные глаза! Или о Джованне де Пацци, сводной сестре Джакомо. Правда, его друг пока не знает о его тайной страсти.

Кухарки исчезли в шатре колдуньи. Козимо занервничал. Руки его дрожали и потели, и он все время вытирал их о штаны. Что ожидает его там, в недрах этого шатра? Хотя он не привык подслушивать, но тут невольно наострил уши: что же происходит внутри шатра? Однако ему не удалось уловить ни слова – ни голосов девушек, ни слов предсказатель-

ницы, никаких других звуков. Эта убогая палатка с толстым занавесом вместо двери, казалось, удалена от окружающего мира.

Козимо так погрузился в свои мрачные мысли, что невольно вздрогнул, когда занавес открылся и обе девицы вышли из шатра. Они болтали и смеялись и выглядели точно так же, как прежде, лишь немного покраснелись. Косоглазенькая еще раз бросила на него насмешливый и кокетливый взгляд, и обе быстро скрылись в торговых рядах. Конечно, прав был его отец, считая всевозможные предсказания и колдовство шарлатанством и вымогательством. И все-таки Козимо волновался. К волнению примешивалось щеко-чушее чувство: казалось, что за этой простой занавеской его ожидает настоящее чудо. В глубине души он сомневался в правоте отца.

– Входите же! Или собираетесь ждать, когда зайдет солнце?

Раздавшийся в глубине шатра голос звучал вовсе не загадочно, но и не враждебно, как можно было ожидать от ведьмы. Напротив, это был приветливый, призывный голос, словно они пришли в гости к родной тете, которая напекла к их приходу пирожков. А может, это просто маскировка? Может, под этой приветливостью скрывалось подлое коварство ведьмы, о котором они так много слышали в детстве? Козимо и Джакомо переглянулись, затем, ободряюще кивнув друг другу, откинули занавеску и решительно переступили порог

шатра.

Все здесь было иначе, нежели представлялось Козимо. С деревянных балок, поддерживающих шатер, мирно свисали связки сушеных трав. На стенах в некоторых местах виднелись написанные синей краской символы, которые непосвященным и неграмотным людям, вероятно, казались таинственными магическими знаками. На самом же деле это были просто знаки зодиака и римские цифры. На двух низких ящиках, служивших столиками, стояло с полдюжины обычных свечей, какие встретишь в любом доме. Приятно пахло мятой и шалфеем. Сама колдунья, поджав ноги, сидела на низком табурете. На ней была обычная одежда. Никаких украшений. Ни черной кошки, ни вороны в шатре не было. На грудь гадалки свисала коса длинных светлых волос. Встреть ее Козимо на улице, он принял бы ее за простую крестьянку или прачку. Внешне ничто не выдавало в ней колдунью. К тому же колдунья была довольно молодой: примерно того же возраста, что они с Джакомо.

– Что привело вас ко мне? – спросила она.

– Я... мы... мы бы хотели, – забормотал Джакомо, не менее смущенный, чем Козимо, видом колдуньи.

– Нам нужно заключить одну сделку, – наконец выговорил Козимо, начиная раздражаться, но сразу же взял себя в руки. Он злился, что потерял время в ожидании очереди к колдунье, злился на собственную глупость, злился, что нервничал по столь ничтожному поводу. В глубине души он сознавал,

что отец прав: на свете нет чудес. – Мне кажется, мы не туда попали. Прошу простить нас за вторжение и позвольте откланяться.

– Не туда попали? – переспросила колдунья, звонко рассмеявшись. – О нет, молодые люди. Вы попали именно туда, куда надо. Я именно та самая колдунья, с которой вы хотели говорить. Я Арианна. А то, что вы не видите здесь сушеных крыльев летучей мыши, жирных пауков, ядовитых жаб и не ощущаете запахов таинственных зелий, это все мелочи и предрассудки, плод вашей фантазии. Не в них дело. Сила предсказателя не в этом. Не надо придавать слишком большого значения внешности. Посмотрите на себя. На первый взгляд вас можно принять за простых ремесленников. С таким же успехом вы могли облачиться и в другое платье, чтобы выдать себя за кого-то. Но только простака, неспособного заглянуть внутрь человека, вы можете ввести в заблуждение.

Она снова засмеялась, и Козимо покраснел до ушей. Ему казалось, что женщина видит их насквозь и знает, кто они на самом деле.

– Итак, что же привело вас ко мне? Или вы хотите, чтобы я угадала сама? – Она снова весело сверкнула своими карими глазами. – Вы явились ко мне за приворотным зельем, не так ли?

Друзья кивнули, как школьники, стоя перед строгим учителем. Однако гадалка лишь покачала головой.

– Нет, – сказала она, и Козимо решил, что ослышался. Од-

нако озадаченный вид друга говорил о том, что он не услышался.

– Нет? – спросил Джакомо, и в его голосе прозвучали разгневанные нотки. – Но почему нет?

– Потому что вы не нуждаетесь ни в каких приворотях. Это недостойно вас. – Она улыбнулась и снова покачала головой. – Подойдите ближе, и я вам кое-что скажу. Вы, молодые люди, представляете самые благородные и уважаемые семейства города. Вы молоды, красивы и богаты. Для вас самое действенное приворотное зелье – ваше имя. Лучшего средства нет.

– Значит, мы напрасно пришли к вам? – спросил Козимо. Он чувствовал разочарование. У него было ощущение, что его обманули, предали, хотя он и не знал, чего, собственно, ожидал от гадалки.

– Нет, – повторила она, на этот раз совершенно серьезно. – Но я могу вам предложить кое-что другое. Речь идет об одной тайне. О тайне, которая важнее и дороже всех сокровищ мира. Но я не знаю...

– И что это за тайна? – нетерпеливо перебил ее Джакомо. – Говори же, наконец!

– Не знаю, хватит ли вам мужества и терпения, чтобы... – Она осеклась и покачала головой. – Нет, я не должна вам говорить... Вы еще слишком молоды. Боюсь, что вы не выдержите этого испытания. Это слишком опасно – для вас и всех остальных.

Козимо и Джакомо переглянулись. В этот момент они оба поняли, что именно этого им и не хватает. Тайны! Опасности! Вот когда можно проявить все свое мужество и силу! Руки Козимо затряслись от напряжения, а Джакомо от возбуждения впился в свои густые черные волосы.

– У нас хватит мужества, – проговорил он дрожащим голосом. – И достаточно силы. Мы готовы выдержать любое испытание.

– Да, – подтвердил Козимо, готовый хоть сейчас отправиться на край света, сразиться с любым врагом во имя исполнения любой возложенной на них задачи, какой бы сложной она ни была.

Женщина переводила взгляд с одного на другого и, о чем-то напряженно думала. Друзья переминались с ноги на ногу, стораю от нетерпения. Что она им скажет?

– Сегодня вы храбры и мужественны. Вы рветесь в бой. Но сейчас день, и светит солнце. В его лучах меркнут все ночные кошмары. А что станет, когда снова наступит ночь и тьма будет застилать вам глаза? Вас начнут одолевать сомнения и страх – два неперемных спутника ночи. Хватит ли вам тогда силы и мужества? – Она глубоко вздохнула, скрестив руки и закрыв глаза, словно в молитве. А может, она вела тайный диалог с невидимым, таинственным существом из преисподней?

Козимо стоял как вкопанный, боясь пошевелиться.

Кажется, прошла целая вечность, прежде чем она вновь

открыла глаза.

– Хорошо. Я дам вам время на размышление. Проверьте ваши души, готовы ли вы принять на себя эту тайну? Если решитесь, приходите завтра в полдень, когда будут звонить колокола на Сан Миниато аль Монте. Я буду ждать вас в роще близ монастыря, чтобы вдали от посторонних глаз поведавать тайну. Однако помните: то, что я расскажу вам, очень опасно. Никто не взыщет, если вы раздумаете и не придете.

– Мы не раздумаем, – пылко заверил Джакомо. – Мы придем в условленное время к монастырю Сан Миниато аль Монте. Можешь быть в этом уверена.

– Посмотрим, – ответила женщина с мягкой улыбкой. – А сейчас уходите. Меня ждут люди, которым нужна моя помощь.

Друзья двинулись к выходу. Козимо откинул занавес и пропустил вперед себя Джакомо. Вдруг его осенила идея, и он еще раз обратился к гадалке:

– Я не спросил, что ты хочешь получить за свою тайну?

– Это вы тоже узнаете завтра, если придете в условленное место.

– Ты не веришь, что мы придем? Думаешь, струсим? Коли так, ты ошибаешься.

– Посмотрим.

Козимо вышел из шатра. Он не мог больше видеть этой мягкой женской улыбки.

Спустя день

В церкви стояла благоговейная тишина. Сквозь узкие витражи струился солнечный свет, отбрасывая на алтарь и распятие красноватые, зеленые и желтые отблески и смешиваясь с мерцанием свечей перед ликом Богоматери. Произносимые вполголоса молитвы двух старушек, подобно журчанию ручья, заполняли церковь, отдаваясь эхом. Невольно возникала мысль о тленности бытия и всемогуществе Господа. Козимо не просто зашел в церковь – его занесло сюда, словно порывом грозового ветра. Всем своим существом он ощущал эту тревожную атмосферу: не в природе или на городских улицах бушевала буря. То была буря в его душе.

Он сделал несколько шагов по главному проходу, в сторону алтаря, громко ступая по каменному полу. Кажется, сами каменные плиты гневались на его вторжение. Козимо остановился, стараясь привыкнуть к полумраку. Дверь с шумом захлопнулась за его спиной, и шепоток молитвы внезапно смолк. Старушки неодобрительно покосились на чужака, нарушившего благоговейную тишину храма. Козимо почувствовал неловкость оттого, что вторгся на чужую территорию. Атмосфера церкви всегда действовала на него удручающе, а теперь, когда его терзали противоречивые чувства, она казалась невыносимой. Может быть, он лишен веры? Нет, это не так. Он, правда, не был членом семейства Пацци, богатых флорентийских купцов, построивших когда-то эту церковь во славу Божию. Козимо принадлежал к другому семей-

ству, не воспринимавшему свое богатство бременем, облегчить которое должны были ежедневные покаяния.

Каждый раз, когда Козимо входил сюда, он чувствовал непреодолимое желание сразу же бежать прочь. Сегодня он явился сюда не для того, чтобы принять участие в многочисленных семейных богослужениях семьи Пацци. Он пришел сюда за своим другом Джакомо де Пацци, чтобы, как и договорились накануне, вместе отправиться на встречу с Арианной. Они должны обязательно идти вместе, даже если придется тянуть Джакомо за рукав. В последний момент Джакомо, вероятно, струсил, а Козимо никак не хотел, чтобы подтвердились сомнения колдуньи.

Он глубоко вздохнул, проходя мимо двух молящихся старушек, которые в ужасе осенили себя крестом, словно увидев дьявола в облиции семнадцатилетнего юноши. Козимо улыбнулся, вспомнив, что был одет не в свое обычное платье из бархата и шелка и в дорогое, сшитое по последней моде белье из тонкого льна, а в штопанные лохмотья сапожника-подмастерья. Никто бы не узнал в нем отпрыска Медичи. А Медичи никогда не отступают от своей цели, какие бы препятствия ни стояли на их пути, и, уж конечно, его не могли смутить ни мягкая улыбка ведьмы, ни злобные взгляды двух беззубых старух.

Как и ожидалось, Джакомо был здесь. Его друг, склонив голову и опустившись на колени, молился прямо перед алтарем. Скрестив руки, как на иконах, развешанных на стенах,

казался погруженным в молитву. Но он видел стоявшего рядом Козимо.

– Привет, Джакомо! – сказал Козимо, схватив его за плечо и не утруждая себя шепотом. Он уже потревожил покой двух старушек. Нарушить же покой Джакомо он считал своим долгом. – Что ты здесь делаешь? Целый час ждал тебя у ворот и не дождался.

Джакомо поднял голову. На лице его было выражение стыда. Если его и одолели сомнения, то это случилось совсем недавно, ибо одет он был в те же лохмотья, что и вчера. Он покачал головой. Козимо все понял. Его друг струсил. А цель была так близка.

– Иди один, Козимо, – прошептал он, опустив глаза. – Я не пойду.

– Что?! Да ты сошел с ума! Почему не пойдешь?

– То, что мы с тобой затеяли, дурное дело. Нам не стоит связываться с ведьмой. Это претит христианской вере. – Его слова звучали вымученно и неубедительно, словно он затвердил их, повторяя с чужих уст.

– Разве ты забыл, что еще вчера вечером сгорал желанием узнать тайну?

– Теперь я думаю иначе.

– Понимаю. Ты передумал. И кто тебе в этом помог? Уж не твой ли отчим?

Джакомо то сжимал, то разжимал кулаки.

– Знаешь... я... Ты прав, – признался он наконец. – Вче-

ра, когда я выходил из шатра колдуньи, меня узнал приближенный епископа. Как тебе известно, он – духовник моего отчима и все рассказал ему. Ты даже не представляешь, что мне пришлось выдержать сегодня утром. – Джакомо мрачно уставился на свои руки. – И вот теперь я три дня должен молиться и поститься. Я еще легко отделался.

Козимо хорошо знал мрачного, вечно всем недовольного Джулио де Пацци, отчима Джакомо, который одновременно был и его дядей. После смерти своего старшего брата он не особо медлил – женился на красавице вдове Лючии, матери Джакомо. Он ежедневно молился, не меньше раза в неделю исповедался. Никто не видел его улыбающимся. Козимо невольно вспомнил улыбку Арианны. Она, конечно, узнала их. Возможно, она даже догадалась, что благочестивый, лишенный чувства юмора отчим Джакомо мог запугать его.

– А тебе не приходило в голову, что ради этой тайны стоит рискнуть и выдержать даже сорокадневный пост? Неужели так трудно отказаться от жареных голубей и стакана вина? Разве тебе не хочется жить своей жизнью и самому решать, что можно, а чего нельзя? Или твой отчим будет до конца дней все решать за тебя?

– Тсс, не говори так громко, – в страхе зашептал Джакомо, боязливо оглядываясь по сторонам, словно здесь мог скрываться шпион его отчима. – Это церковь, и мы здесь не одни. Если эти старухи...

– Какое мне дело до этих старух? – гневно перебил его Ко-

зимо, но все же понизил голос. Даже если мнение этих старух было ему глубоко безразлично, никто не должен слышать их разговора. Ведь речь шла о тайне. Об их тайне. – Разве не ты предложил мне пойти к колдунье?

– Да, но...

– То-то же! Послушай, Джакомо, мы вместе заварили эту кашу, вместе нам и расхлебывать. Сейчас мы пойдем к Арианне в Сан Миниато аль Монте и выслушаем то, что она нам скажет.

– Но...

– Никаких «но». Я обязательно пойду туда, а если ты откажешься сопровождать меня, никогда тебе этого не прощу. Идем, поторопись.

Джакомо медлил. Он снова оглянулся по сторонам, боясь, что из-за соседней колонны вдруг появится отчим и будет взывать к здравому смыслу. Однако никто не появился. Не считая двух старушек, снова принявшихся за молитву, они были одни.

– Ладно, – сказал Джакомо. И поднявшись, протянул Козимо руку. – Ты прав. Это наша тайна. И мы должны ее разгадать.

– Вот таким ты мне нравишься больше, – ответил Козимо. – А теперь поспешим, иначе Арианна уйдет, не дождав-шись нас.

И оба быстро вышли из церкви. Когда они пересекали

реку Арно через мост, который был ровесником Флоренции, зазвонили колокола городских церквей, и в общем звоне Козимо ясно различал колокола Санта-Мария дель Фьоре и церкви Сан-Лоренцо, которую обычно посещали Медичи. Наступило время обедни, и колокола звонили в честь Благовещения. То были привычные звуки, но сейчас каждый удар колокола звучал напоминанием, что надо торопиться. Друзья бежали со всех ног, с развевающимися на ветру волосами. Они мчались чуть не сбивая прохожих. Некоторые с улыбкой покачивали головами, глядя им вслед, другие осыпали их ругательствами или грозили кулаками. Но это не смущало молодых людей. Они мчались навстречу волнующему приключению. Много лет спустя Козимо часто будет вспоминать этот день, раздумывая над словами друга, сказанными в маленькой церковке семьи Пацци. И каждый раз он будет спрашивать себя, мог ли предвидеть Джакомо – в самом потайном уголке души, – в какую авантюру они пускаются, охваченные юношеским порывом.

До роши близ городских ворот они добрались довольно быстро. Их молодые ноги и легкие были полны сил. И все же они изрядно устали, когда с покрасневшими лицами, промокнув до нитки, вскарабкались на холм, откуда открывался чудесный вид на Флоренцию. Церковь Сан-Миниато аль Монте и прилегающий к ней монастырь были еще не видны. Впереди серебристой лентой извивалась река Арно со Ста-

рым мостом и многочисленными лавками на берегу. Издали виднелись крыши домов, башни дворцов и замков флорентийских богачей. Рядом высились колокольни крупных церквей – Сан-Лоренцо, Санта-Мария Новелла, Санта-Кроче. Общую картину венчал дивный купол Санта Мариа дель Фьоре, истинный шедевр зодчества. От этой красоты захватывало дух и к горлу подступали слезы. Но Козимо и Джакомо сейчас было не до красот родного города. Они пришли на встречу с колдуньей Арианной.

– Ты видишь ее? – спросил Джакомо, закашлявшись от напряжения.

– Нет, – ответил Козимо, почувствовав резкую боль в боку, будто кто-то вонзил ему кинжал под ребра. Он несколько раз оглянулся и в отчаянии так топнул ногой, что вокруг них поднялось облако пыли. Козимо пришел в ярость оттого, что они опоздали, что Арианна не дождалась их, хотя опоздали они совсем немного, и им уже никогда не узнать той тайны. – А что, если... – Но Козимо был Медичи, а Медичи так просто не сдаются.

– Эй! Арианна! – крикнул он что было мочи. – Где ты, Арианна?

– Бесполезно, – сказал Джакомо, опустив плечи. – Она ушла. Ее уже нет во Флоренции.

– А что, если она недалеко и слышит нас? – мрачно заметил Козимо. Сложив руки рупором, он крикнул во весь голос: – Арианна! Мы здесь!

– Прекрати орать, – сказал Джакомо, со страхом оглядываясь по сторонам. – Монахи в монастыре услышат.

Он был, безусловно, прав.

– Проклятие! – воскликнул Козимо, впившись в свисавшие мокрыми прядями волосы. Еще никогда в жизни ему не приходилось бежать с такой сумасшедшей скоростью, и все напрасно. А может, ведьма вовсе и не приходила, а просто поддутила над ними? Он живо представил, как она в этот момент трясется в своей арбе, направляясь в другой город, и посмеивается над двумя молодыми олухами, которые ждут ее у монастыря Сан-Миниато аль Монте с ее тайной. А никакой тайны и нет!

– Вы все-таки пришли? А я уже решила, что вы не придете.

Чистый, звонкий голос заставил Козимо обернуться. В десяти шагах от них, в тени деревьев стояла Арианна. Ее платье сливалось с цветом коры буковых деревьев. Поэтому ее легко было не заметить. Возможно, она стояла здесь давно и наблюдала за ними.

– Наша встреча чуть не сорвалась, – сказал Джакомо, оправившись от удивления. – Дело в том...

– Нас задержали, – перебил друга Козимо. Колдунье незачем знать о сомнениях Джакомо, иначе она может не поведать им тайны. – Поэтому мы опоздали.

Она улыбнулась своей мягкой улыбкой, и Козимо, догадавшись, что она разгадала их невинную ложь, густо покрас-

нел.

– Понимаю, – сказала колдунья. – Главное, что вы здесь, что вы пришли по доброй воле.

– Да, мы пришли по доброй воле, – решительно заявил Джакомо. Его ответ прозвучал убедительно. – Так в чем же состоит тайна, которую ты нам обещала открыть?

– Спокойно, дружище, – сказал Козимо, кладя руку на его плечо. – Прежде чем требовать товар, надо договориться о цене.

Джакомо кивнул.

– Козимо прав, – сказал он. – Сколько ты хочешь за свою тайну?

Улыбка исчезла с лица Арианны, и это привело Козимо в замешательство.

«Сейчас она покажет свою суть, – подумал он. – Сколько же она потребует с нас?»

– Мне нужна сотня дукатов, – четко и ясно ответила гадалка.

– Что? – в негодовании воскликнул Джакомо. – Я не услышался?

– Я сказала, что мне нужна сотня дукатов, – спокойно повторила Арианна.

– Неслыханная цена...

– Да, цена немалая. Джакомо прав, – добавил Козимо и с облегчением подумал, что сотня дукатов – это смешная цена по сравнению с той, которую он ожидал услышать. В об-

мен на тайну гадалка могла бы потребовать, к примеру, мощей святого или, того хуже, их собственные души. Но он был Медичи и еще в колыбели научился разбираться в финансовых вопросах. В то время как другие дети играли во дворе со своими сверстниками, он вместе с отцом и дядей, сидя в их кабинете, слушал разговоры о денежных делах. Это было у него в крови – в ответ на предложение «продавца» пытаться сбить цену. – Я предлагаю пятьдесят за твою тайну.

Арианна покачала головой.

– Нет, Козимо, я не собираюсь торговаться, пусть даже этот торг делает тебе честь. Эта тайна стоит намного дороже. За эту тайну я могла бы потребовать принести мне на серебряном подносе головы ваших отцов. И вы, не задумываясь, заплатили бы любую цену, зная, что это за тайна.

– Поэтому мы и хотим узнать, в чем она состоит, чтобы не покупать kota в мешке.

– Да, – подтвердил Джакомо. – Тогда объясни нам, почему ты назвала именно эту сумму – всего в сотню дукатов, если она действительно такая важная?

– Ты прав, задав мне этот вопрос, – немного помолчав, ответила колдунья. – И я на него отвечаю. Дело в том, что много лет назад, узнав эту тайну, я поклялась, что никогда не буду ставить цели обогатиться благодаря ей, что не использую ее в корыстных целях, а передам другим лишь в случае крайней опасности. Я связана этой клятвой.

– Так почему же ты решила доверить эту тайну нам? –

насмешливо спросил Джакомо. – Лично я не вижу никакой опасности.

Она подняла голову, и Козимо охватил страх. В ее взгляде было нечто пугающее.

– Ты можешь глумиться надо мной, Джакомо де Пацци, – тихо ответила колдунья. – Но я смогла заглянуть в будущее. Я видела, как на людей обрушится масса страданий, а таких, как я, обладающих даром предвидения, будут преследовать, мучить и убивать. Я делаю это не потому, что боюсь за свою жизнь. Мне безразлично, что со мной будет, я не боюсь смерти. Я делаю это ради своих детей, потому что страдать будут они. Сотня дукатов – это та сумма, которая мне необходима, чтобы покинуть этот город и обрести пристанище в другом месте, подальше отсюда. Я хочу купить участок земли, выстроить дом и начать новую жизнь там, где меня никто не знает.

– А если мы откажемся заключить с тобой эту сделку? Что тогда?

Она равнодушно пожала плечами.

– Тогда я уйду из этого города и поищу себе другого покупателя.

– Ладно, коли так... – Джакомо откашлялся и бросил на Козимо вопрошающий взгляд. Такого ответа они не ожидали.

– Твои мотивы убедительны, – сказал Джакомо, пытаюсь представить, как бы в таком случае поступили его дядя или

отец. – Но и ты должна понять нас. Ведь мы тоже рискуем. Мы совсем не знаем тебя и никого, кто мог бы за тебя поручиться. Поэтому я предлагаю аванс – пятьдесят дукатов, и ты выдаешь нам свою тайну. Когда мы убедимся, что она стоит того, выплачиваем вторую половину. Правда... – помедлил он, бросив взгляд на Козимо. – Сейчас у нас нет этой суммы, но к вечеру мы сможем ее достать. Если ты готова ждать, то мы...

Она махнула рукой.

– Не надо. Я сообщу вам тайну и без залога. Мне достаточно вашего слова. Вы обещаете?

Друзья переглянулись и протянули руки колдунье. Козимо не мог отвести от нее взгляда. «Она не так глупа, – подумал он. – Уж не ловушка ли это?»

– Где же твоя тайна? – спросил Джакомо, теряя терпение.

– Она здесь – ответила Арианна и, вынув какой-то предмет из складок платья, протянула его Козимо.

Тот удивленно взял его и повертел в руках. Это был очищенный от коры сучок в виде дубинки размером с мужской локоть. В этом предмете не было ничего необычного: никаких тайных знаков – обычный сухой, довольно толстый сук из обычного дерева, которое наверняка будет хорошо гореть, если бросить его в печь. Козимо недоверчиво посмотрел на ведьму. Что это? Волшебная палочка?

– Открой и сам все увидишь.

Открыть? Козимо с удивлением взглянул на Арианну и,

осторожно скользнув пальцами по поверхности древесины, почувствовал какую-то бороздку не толще человеческого волоса. Только сейчас он понял, что сук состоит из двух плотно соединенных частей, и если этого не знать, то место соединения можно было не заметить. Он бережно покрутил оба конца, и палка распалась на две половины. Она представляла собой трубку, внутри которой находился свернутый пергамент. Козимо осторожно извлек свиток. Джакомо из-за плеча наблюдал за его действиями.

С первого взгляда было очевидно, что это очень старый свиток – вернее сказать, древний: текст выгорел и стал едва различим. Однако благодаря трубке, в которой он долго находился, пергамент хорошо сохранился, если не считать неровных черных краев, которые при прикосновении рассыпались в мелкую пыль, словно когда-то его пытались поджечь. Козимо различил на свитке греческие буквы и другие знаки, смысл которых был неясен. Единственное, что он понял, это небольшой рисунок с изображением сокола в левом верхнем углу пергамента.

– Что это значит? – спросил Джакомо, недоуменно пожимая плечами. – Я ничего не понимаю.

– Это зашифрованная надпись, – пояснила женщина. – Мерлин всегда писал свои свитки шифрованным языком, чтобы их не могли прочесть непосвященные. Но вы люди просвещенные и сможете прочесть текст.

– Мерлин? – воскликнул Джакомо. – Я не ослышался? Ты

говоришь о том самом Мерлине?

– Да, именно о нем, советнике королей, великом маге всех времен. Когда-то, в давние времена, он стал записывать для своих учеников то, что было известно только ему, – свои мысли, описания ритуалов, рецепты, свой путь к тайнам магии. Все его познания записаны на этих свитках, каждый из которых содержит около тысячи страниц. Ученые мужи из всех стран мира пытались расшифровать их. Это было во времена расцвета магии и науки. Однако люди до сих пор не научились пользоваться данными им властью и знаниями. Многие из них, обуреваемые алчностью, злобой и завистью, злоупотребили мудростью Мерлина. А один человек допустил страшную, непоправимую ошибку. Он использовал рукописи великого магистра, проводя опыты с нарушением всех заповедей великого Мерлина. Он совершил страшное преступление, накликав демонов и прочую бесовщину, нарушив созданный Богом порядок. Узнав об этом, Мерлин пришел в неопишуемый гнев, проклял юного мага и уничтожил его, видя корень зла в своих собственных трудах. Назвав их своим проклятием, тот человек хотел уничтожить рукописи. Однако Мерлин так заколдовал свиток от порчи, что его не тронули ни время, ни огонь, ни холод, ни вода. И даже он сам был не в состоянии снять эти чары со своей рукописи. Тогда Мерлин накликнул бурю, такую мощную, что свиток растрепался на клочки, а его страницы разлетелись по всему свету. С тех пор «Проклятие Мерлина», как называют эту

рукопись, считается утраченным. Однако время от времени то тут, то там всплывают ее отдельные страницы.

– Так, значит, это одна из тех страниц? – недоверчиво спросил Козимо. Рассказ колдуньи звучал невероятно. Мерлин был сказочным персонажем, мифом из героического эпоса древней Англии. Не более того. – А как к тебе попала эта рукопись?

– На этот вопрос я не могу ответить. Рукопись с давних пор хранилась в моей семье. Она передавалась из поколения в поколение, всегда от матери – к дочери.

– А как ты можешь доказать, что рукопись не фальшивка?

– Видите этот знак? Это Сокол, печать Мерлина. Она стоит на всех страницах его рукописей. Кроме того... – Колдунья улыбнулась. – Сначала расшифруйте текст. В нем вы найдете рецепт волшебного напитка. Попробуйте его, и вы убедитесь в подлинности свитка.

– Право, не знаю, что и делать, – сказал Джакомо, с сомнением посмотрев на Козимо. – Стоит ли нам рисковать?

Козимо был в нерешительности. Сто дукатов – немалая сумма за столь сомнительное приобретение. Но если ведьма не лжет и рукопись действительно написана самим Мерлином, то она стоит любых денег, даже если им не удастся ее расшифровать.

– Да, – нерешительно произнес он. В семействе Медичи у каждого были свои пристрастия: дядя собирал кувшины и кружки из всех стран мира, отец – оружие. Он, Козимо, пи-

тал слабость к древним книгам, а эта рукопись была, без всякого сомнения, очень древней. О, это великолепный свиток. Одно то, что он написан рукой самого Мерлина, делало его бесценным. «Это все равно что получить в руки одно из писем апостола Павла», – подумал Козимо. – Мы должны это сделать. Если ты сомневаешься, я один найду эту сумму и заплачу, – добавил он, обращаясь к Джакомо.

Тот лишь пожал плечами. Колдунья довольно улыбнулась.

– Я знала, что вы сможете оценить его по достоинству.

– Где мы отдадим тебе деньги?

– Я буду ждать вас завтра на этом же месте, как только взойдет солнце.

– Ты можешь рассказать еще что-нибудь о свитке и о рецепте? – спросил Козимо, готовый хоть сейчас приступить к расшифровке текста. Его как магнитом тянуло к рукописи, и он не мог от нее оторваться.

– Я знаю не так уж много. Сама его не пробовала. Я всегда старалась не поддаваться соблазнам. Единственное, что я могу вам посоветовать, – будьте осторожны. Остальное поймете сами.

– Если все решено, можем идти, – сказал Джакомо. – До завтра!

Он поклонился колдунье и поспешил обратно, словно у него вдруг испортилось настроение. Козимо с удивлением посмотрел ему вслед.

– Не знаю, что на него нашло.

– Он слаб. Ему тяжелы кандалы, которые навесил на него отчим. А это опасно: в один прекрасный день он их сбросит, но вновь обретенная свобода вскружит ему голову; как бы он не потерял рассудок. Присмотри за ним, Козимо.

Козимо аккуратно свернул свиток, уложил его в трубку и снова закрыл, задумчиво повертев в руках. Трубка выглядела такой же неказистой, как прежде.

– Невероятно, что такая простая штукавина может представлять такую ценность.

– Я же говорила, что внешняя оболочка ничего не значит. Главное, что внутри.

– А ты не думаешь, что я могу уйти и больше не прийти? – спросил Козимо. – Сейчас рукопись у меня. Ты все нам объяснила. Что, если мы нарушим слово?

Она снова улыбнулась. На этот раз улыбка была зловещей, и Козимо содрогнулся.

– Я бы не советовала этого делать. Если вы нарушите слово, я ночью тайно выкраду у вас рукопись. Ведь это моя ответственность. А на вас наведу порчу – ваши тела иссохнут, рассудок помутится, и вы долго будете умирать в муках, в полном забвении, как дикие звери в темной норе. Мне хорошо известно, кто вы такие, и мы скрепили нашу сделку рукопожатием. Мне этого достаточно. – Она откинула прядь со лба. – Я знаю, вы представляете себе колдунью старой, беззубой горбуньей. Но, повторяю, внешность ничего не значит. В моей власти наложить на вас проклятие, можете мне по-

верить, и, если будет нужно, я сделаю это без колебаний.

«Ни минуты не сомневаюсь», – подумал Козимо, спускаясь с холма. Он решил не догонять друга: Джакомо был далеко впереди. Мысли переполняли его голову.

Эликсир

Была глубокая ночь. За окном бушевал сильный ветер, и хотя весна почти вытеснила затянувшиеся холода, он словно знаменовал последние судороги уходящей зимы.

Ледяная стужа пронизывала покои Козимо, и даже тепло пылающего камина не могло его согреть. В такую ночь хорошо забраться под одеяло и, нежась на мягких подушках, долго-долго спать, чтобы тебя никто не тревожил. Но Козимо было не до сна. Склонившись над рукописью, он пытался разгадать таинственные знаки. Несколько часов корпел он над свитком. За последние двое суток он изрядно продвинулся в этом нелегком деле, но разгадать загадку, скрытую в таинственных буквах, никак не мог.

Он так погрузился в работу, что не заметил, как прогорели угли в камине. Пальцы одеревенели и скрючились от холода. Он смутно помнил, что несколько часов назад, когда стало совсем холодно, слуга подбросил в камин несколько поленьев. Козимо встал и накрылся одеялом. Сколько же времени он провел за столом, впившись горящими глазами в странные знаки? Вдруг он услышал стук, будто кто-то бросил камнем в ставни.

Козимо вздрогнул и прислушался. Он полностью был поглощен разгадкой рукописи, и ему мерещились всякие чудовища. «Это пришел дьявол, чтобы забрать мою душу», – подумал он. Стук повторился. Козимо застыл от страха и прислушался. Этот звук он слышал не раз.

Козимо подошел к окну, открыл ставни, придерживая рукой чепец, чтобы не сдуло ветром. Он оказался прав: внизу, освещенный слабым светом фонаря, стоял Джакомо-мо. Он иногда приходил к Козимо посреди ночи, бросив в окно камешек. Это был их условный знак. Козимо кивнул другу, снова аккуратно закрыл ставни и, быстро сбежав по лестнице, открыл дверь. Не говоря ни слова, оба на цыпочках пробрались в неосвещенный дом. Никто не слышал, как они проникли в комнату Козимо.

Некоторое время Козимо молча смотрел на друга, который сразу же бросился к камину, чтобы согреться.

– Какая холодная ночь, – сказал Джакомо, – будто вернулась зима.

– Ты прав, – ответил Козимо. – Но она не вернется.

– Козимо, я...

– Куда ты пропал? – вырвалось у Козимо. – Два дня о тебе ни слуху, ни духу. Я заходил к тебе, но мне сказали, что тебя нет дома. Почему ты прячешься от меня?

– Я был в церкви, – ответил Джакомо, не глядя другу в глаза. – Все это время я...

– Послушай, дружище, не надо меня обманывать. Я видел,

как ты стоял у окна. И ты меня видел. Что с тобой происходит?

Джакомо поднял голову и посмотрел на друга взглядом затравленной собаки.

– Прости, Козимо, но я не пойду с тобой. Правда, я... – он осекся, проведя рукой по волосам, которые и без того торчали во все стороны. – Мой отчим не простит меня. Он неусыпно следит за мной, к тому же... Я и сам должен был все обдумать. То, что сказала колдунья... об этой рукописи...

– И что же ты надумал?

Джакомо не ответил. Вместо ответа он показал на письменный стол.

– Тебе удалось расшифровать рукопись?

«Молчание – тоже ответ», – подумал Козимо, улыбнувшись другу. Он слишком хорошо знал Джакомо и сразу все понял. Джакомо решился в пользу друга и их тайны, пойдя против своего отчима. По крайней мере, в этот момент.

– Пока нет, – ответил Козимо, – к сожалению. Тот, кто составлял текст, потратил немало сил, чтобы зашифровать каждое слово. Иногда я не могу даже понять, что это за буквы и из какого они языка. И все же несколько слов я, кажется, расшифровал. Это немного, но для начала неплохо. – Он протянул другу свиток со своими пометками. – Вот результат моих двухдневных трудов. Если так пойдет и дальше, мы сможем расшифровать всю рукопись не раньше Рождества.

Джакомо внимательно посмотрел на свиток и сморщил

лоб.

– Это какой-то бред сумасшедшего, – проговорил он. – Семь... двадцать три... мера... девять... пшеница... мало... тело... сон. Полная абракадабра. Как думаешь, что означает этот набор слов?

Козимо беспомощно развел руками.

– Ни малейшего понятия. Слова, которые мне удалось расшифровать, – из греческого языка, но написаны по-арабски. Еще я обнаружил несколько латинских слов, написанных готическим шрифтом. Мне кажется, весь текст зашифрован по этому принципу. А сейчас я в тупике и больше не могу продвинуться ни на шаг.

– Дай я взгляну.

Они вместе склонились над драгоценным пергаментом, впиваясь глазами в блеклые буквы.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Джакомо, нахмурившись. – Кому пришло в голову все так запутать? погоди... Кажется, я что-то начинаю понимать...

Он сощурил глаза и указал на некоторые слова, написанные на совершенно непонятном языке.

– Не верю своим глазам. Неужто я ошибаюсь? Если взять... Да, Козимо, других вариантов нет.

Он вдруг страшно разволновался.

– Послушай, Козимо, дай быстро зеркало!

Козимо бросился к комоду, вынул из верхнего ящичка обернутую шелковым платком шкатулку, в которой лежало

небольшое дамское зеркальце. Он собирался подарить его кузине в день ее помолвки. Но сейчас это не имело никакого значения. Самое главное расшифровать рукопись. А кузине он подарит еще что-нибудь. Он быстро сорвал ленту с коробки и, вынув из нее изящное зеркало, протянул Джакомо. Тот перевернул свиток «вниз головой», держа зеркало так, чтобы в нем отражались буквы.

– Я так и думал, – возбужденно проговорил он. – Ты видишь? Не зря эти буквы сразу же показались мне чем-то знакомыми. Это древнееврейский язык. – Он выпрямился и торжествующе посмотрел на друга. – Это буквы древнееврейского языка, написанные в зеркальном отражении.

С помощью зеркала друзья быстро расшифровали остальную часть текста. Козимо не преувеличил, когда сказал, что почти каждое слово имело свой код. В некоторых словах в зеркальном отражении были написаны лишь отдельные буквы, другие слова надо было читать справа налево без зеркала, а иногда шифр был еще сложнее. Часто приходилось по несколько раз использовать зеркало, пока они не докапывались до смысла. Но друзья не сдавались. Их щеки горели. Забыв про холод и усталость, они работали до самозабвения. Дрожащим пером Козимо записывал слова, которые диктовал ему Джакомо. Когда наконец наступило утро и пение птиц возвестило начало нового дня, весь текст был полностью расшифрован.

– Прочти ты, – попросил Джакомо, подтолкнув друга. – Я слишком нервничаю.

Козимо покашлял и охрипшим голосом, медленно, запинаясь, начал читать текст.

«... Сходные ингредиенты необходимы для нижеследующего рецепта, действие которого удивительным образом отличается от предыдущего. Магистру надобно взять...»

Далее следовало перечисление, как минимум, двух десятков названий компонентов, точное количество и вес, а дальше говорилось: «Сухие компоненты смешать друг с другом, в случае необходимости истолочь в ступке до состояния порошка, затем добавить жидкие части, предварительно тщательно смешанные. Смесь нагреть на слабом пламени до полного соединения всех субстанций и довести до прозрачности и приятного глазу темно-красного цвета. Снять сосуд с огня, добавить в жидкость щепотку мелкой соли и остудить. Затем влить пять частей доброго красного вина и снова хорошо перемешать. Готовый эликсир разлить в мелкие флаконы. Выпивать по несколько капель до состояния, когда принимающий их начинает видеть прошлое и суть вещей, оставаясь в состоянии обычного сна. При большей концентрации эликсир позволяет достичь телесного присутствия в другом времени. Необходимо соблюдать осторожность, ибо при неоднократных приемах может наступить привыкание. Для достижения желаемого состояния необходимы более высокие дозы. Поэтому я рекомендую точно соблюдать описанный

мною способ приготовления. Также следует учесть, что...»

– Почему ты замолчал? Читай дальше, – нетерпеливо сказал Джакомо.

Козимо покачал головой.

– Не могу. Дальше текст обрывается. – Он недоуменно повертел свитком, словно надеялся увидеть продолжение на обратной стороне пергамента. Но там было пусто. – Здесь явно не хватает одной страницы.

Друзья вновь пробежали глазами по строкам, с таким трудом расшифрованным.

– А не обратиться ли нам снова к колдунье и спросить ее о пропавшей странице?

– И как ты собираешься ее искать? Ее уже два дня как нет во Флоренции. Мы даже не знаем, куда она собиралась бежать. Боюсь, на ее поиски уйдут месяцы и даже годы.

– Ладно, – сказал Джакомо. – Главное, что мы знаем состав зелья. Послушай, Козимо, мне так не терпится попробовать эликсир. В рукописи говорится, что можно погрузиться в прошлое... Как думаешь, мы сможем достать все ингредиенты?

Козимо пробежал глазами текст рукописи.

– Шалфей, тимьян, можжевельник... Обыкновенные травы... Редких компонентов очень мало. Надо только точно определиться с мерами веса. В рецепте в основном даются греческие и римские меры, а они сейчас не в ходу. Но это не самое трудное. – Он посмотрел на Джакомо. – Половину

ингредиентов достанешь ты, другую – я. А завтра ночью, когда охрана закончит ночной обход, мы встретимся в аптеке Лючиано де Спалья.

Около полуночи Козимо открыл другу заднюю дверь, которая вела прямо к дому аптекаря Лючиано де Спалья. Повесив на плечо мешки, друзья прошли по протоптанной дорожке мимо кирпичной стены в низкий подвал со сводчатым потолком, почерневшим от копоти и времени. Помещение освещалось двумя факелами на стене. Кирпичная кладка подвала была сухой, не тронутой плесенью. Пол был идеально чистым, словно его мыли ежедневно. Но, несмотря на это, в помещении стоял резкий, неприятный запах затхлости и запустения.

– Это здесь, – сказал Козимо, толкая тяжелую, обитую железом дверь. Помещение, в котором оказались друзья, было доверху заполнено мешками с мукой, сушеными фруктами, горшками, кувшинами с маслом. Все аккуратно расставлено по полкам. Под мокрыми, пропитанными соляным раствором тряпками лежали круги сыра, а с потолка свисали связки колбас и два великолепных окорока. Отодвинув мешок в сторону, Козимо с интересом разглядывал стоящие на полках банки с маринованными маслинами, грибами и прочей снедью. За стеллажом находилась потайная дверь, узкая и неприметная, словно ею давно никто не пользовался. Однако при внимательном рассмотрении было заметно, что недавно ее обили железом и поставили сложный замок. Достав ключ,

Козимо открыл дверь, и приятели вошли в небольшую комнату, освещенную лампадой.

– Что ты стоишь? Входи! – скомандовал Козимо другу, замершему в дверях. Внимание Джакомо привлекли диковинные приборы, стоявшие на двух узких столах у стены. Чего здесь только не было: аптечные весы, крошечные латунные гирьки, с помощью которых можно было взвешивать самые малые дозы; разноцветные стеклянные колбы различной формы и размера; разнообразные стеклянные сосуды с порошками, травами и кристаллами; многочисленные горшки и кастрюли, медные и железные сковороды на треножниках; флаконы из темного стекла, в которых, очевидно, хранились различные жидкости. Был здесь и сложенный из обожженного кирпича очаг, служивший, вероятно, печью.

– Что это? Похоже на колдовскую кухню, – проговорил Джакомо.

Козимо стоял с застывшим лицом, испытывая те же чувства, что и его друг. В подвале царил атмосфера колдовства: на ум приходили ведьмы и демоны из сказок, которыми пугают в детстве. Козимо уже был здесь несколько месяцев назад – его когда-то привел сюда аптекарь Лючиано.

– Не бойся, – сказал он другу, открывая мешок и высыпая содержимое на стол. – Лючиано не колдун. Он настоящий ученый. А это – его тайная лаборатория. Здесь он проводит свои научные опыты. Он великодушно предоставил нам свою лабораторию. Сегодня ночью мы можем пользоваться

его приборами.

Джакомо продолжал стоять в оцепенении, недоверчиво разглядывая отдельные предметы. Потом взял флакончик, открыл пробку и принюхался к его содержимому.

– Воняет, как моча дьявола, – проговорил он, с отвращением поставив флакон на место. – А ты уверен, что Лючиано не подведет? Имей в виду, сюда в любой момент может нагрянуть стража.

– Он не подведет, – ответил Козимо. – Я знаю его больше десяти лет. Ему не было и двадцати, когда соседи, почуяв странные запахи из его дома, вызвали охрану. Его обвинили в колдовстве и отдали под суд. Мой дядя, присутствовавший на процессе, сразу увидел в нем незаурядного человека. Он не мог допустить, чтобы его сожгли на костре как еретика. Взяв дело в свои руки, он разыскал свидетелей, которым удалось опровергнуть все обвинения, и поручился за Лючиано. Правда, пришлось заплатить солидный выкуп. Лючиано освободили, но для того, чтобы он мог продолжать свои опыты, дядя взял аптеку под свое покровительство. Как видишь, Лючиано обязан нам жизнью.

Козимо было неловко произносить высокие слова. Однако это была чистая правда. А правда и справедливость были основным принципом жизни в семье Медичи. Козимо мог бы рассказать другу массу историй в подтверждение своих слов. И как бы ни осуждали их другие знатные флорентийские семейства, в том числе Пацци, не разделявшие отноше-

ния Медичи к художникам и ученым, считая это лишь хвастовством и расточительностью, Козимо гордился своим родом.

– Но сейчас это не имеет никакого значения. Нам надо получить эликсир. Поэтому не будем терять время. Если мы хотим закончить все до рассвета, давай сразу же приступим к делу, – добавил он.

Джакомо кивнул, и молодые люди принялись за работу. Они взвешивали порошки, травы и кристаллы, по каплям и ложечкам отмеряли жидкости, толкли в ступке раковины, измельчая их в мелкий порошок. Подвешивая котелок над очагом, они почти выбились из сил. С непривычки болели руки: им еще никогда не приходилось орудовать такими тяжелыми чугунными пестиками и ступками, и каждый из них думал об одном: только бы не ошибиться с дозировкой!

Джакомо усердно помешивал в котелке. Их зелье было еще далеко от «прозрачного, приятного глазу темно-красного цвета», как требовал рецепт. Пока что это был мутный темно-коричневый раствор, вязкий, с резким неприятным запахом. Козимо нервно переминался с ноги на ногу. Котел уже давно висел на огне. Скоро рассвет. Вот-вот появится Лючиано, и тогда им придется освободить лабораторию. Если они до этого не успеют...

– Козимо! – в волнении вскрикнул Джакомо. – Смотри! Кажется, все готово!

Они склонились над котлом. Жидкость начала бурлить.

Дрожа от напряжения, они увидели, как из мутной воючей жижи образуется прозрачный отвар, его приятный темно-красный цвет напоминал цвет благородного красного вина. В тот же миг лаборатория наполнилась чудесными ароматами миндаля и фиалок.

– Да, это то что надо, – подтвердил Козимо. – Снимай котел с огня.

Добавив нужное количество соли, друзья стали ждать. Время, пока отвар остывал, показалось им вечностью. Дрожащими руками они влили в раствор немного красного вина. Теперь эликсир был полностью готов. Стараясь не пролить ни капли драгоценного напитка, друзья разлили его по флаконам. Козимо взял одну из бутылочек и посмотрел ее на свет от лампы. Жидкость по цвету напоминала рубин.

– Давай прямо сейчас...

– Конечно, – не задумываясь согласился Козимо. – Сразу же и испробуем.

– Представляешь, через пару минут мы можем перенестись в другую эпоху! – сказал Джакомо, рассматривая флакон на просвет. – Если эликсир и вправду обладает чудодейственной силой, где бы ты хотел оказаться?

Козимо пожал плечами.

– Не знаю. Вообще-то я всегда мечтал встретиться с Данте Алигьери. Поговорить о том о сем. А ты?

– А я бы хотел попасть в то время, когда мой отчим был ребенком.

– Что?! – Козимо был поражен ответом друга. У них есть возможность встретиться с самыми великими людьми в истории человечества: Вергилием, Гомером, Юлием Цезарем, может быть, даже с Иисусом Христом. И кого же пожелал увидеть Джакомо? Своего отчима! Эка невидаль! Неужто ему не надоело видеть его каждый день? Но почему отчима?

Джакомо пожал плечами.

– Хочу понять «первопричину», как сказано в рукописи, – почему он стал таким?

Козимо недоумевал. Что же, у каждого свои мотивы. И Джакомо не исключение.

– Если эликсир вообще на что-то способен, – мрачно добавил Джакомо. – А мы не превратимся в уродов, не обрас-тем волосами.

– Поэтому предлагаю попробовать его по очереди, – предложил Козимо, уставший от болтовни. Он уже рвался в бой, – чтобы один из нас видел, как эликсир действует на другого. Если не возражаешь, я попробую первым, а когда вернусь в наше время, все тебе расскажу.

Джакомо согласился.

Козимо вынул стеклянную пробку из флакона и, капнув несколько капель на указательный палец, стал внимательно изучать его. Крохотная капля выглядела как свежая алая кровь, словно он только что порезал палец.

«Что, если Джакомо прав, – думал Козимо, высунув от напряжения язык. – Что, если их заманили в ловушку и элик-

сир превратит его в зверя или отправит в ад?..» Сердце его бешено колотилось, в глотке пересохло, и, прежде чем страх и трусость одержали над ним верх, он быстро лизнул палец.

На какой-то миг ему показалось, что сердце остановилось. Козимо чувствовал, что страх отступил. Он испытывал неопишное наслаждение. Дивный аромат фиалок, сладкого миндаля и меда разлился по его языку, будто он выпил большой глоток вина. Однако в этом опьянении не было свинцовой тяжести, которая иногда сопутствует выпивке. Козимо хотелось танцевать, рассказать другу, как все прекрасно, но окружающие предметы вдруг начали расплываться, словно в тумане, приобретая странные очертания и покрываясь серебристой пеленой. Козимо медленно протянул руку, почти физически ощущая эту пелену. Он был уверен, что стоит в нее погрузиться – и он перенесется куда-то далеко-далеко. Сердце громко стучало, но соблазн совершить фантастическое путешествие в совершенно другое время победил страх. Распрямив плечи, он сделал глубокий вдох и сделал шаг вперед. От пелены шло благостное тепло. Он кожей ощущал его. Дымка была нежной и мягкой, как пух. А аромат... Он будто находился на лугу среди цветущих фиалок. Полностью растворившись в благоуханном тумане, Козимо сделал еще шаг, потом еще... А дальше... дальше он перестал думать вообще.

ГЛАВА 2

Гамбург, 4 августа 2003 года

Сидя в своем офисе за письменным столом, Анна Нимейер смотрела в окно. Она была в бешенстве, в таком бешенстве, что у нее стучало в висках. Она не переставая колотила пальцами по столешнице. Не помогала даже горящая перед ней ароматическая свеча, которая в критические моменты всегда действовала на нее успокоительно. Она была в такой ярости, что не могла и думать о работе. Все это из-за Карстена, главного редактора дамского журнала, в котором работала Анна. На последнем совещании он сообщил, что ее репортаж о пляжах Бразилии, к которому она так давно и тщательно готовилась, перенесен в более поздний номер, а «на десерт» прибавил, что освобождающееся место заместителя главного редактора предлагается не ей, а ее коллеге Сюзанне Майн.

Таким образом, вместо того, чтобы вести следующее заседание редколлегии уже в качестве «вице» и в скором времени лететь в Рио-де-Жанейро, ей надо срочно собирать вещи и в конце августа ехать на поезде во Флоренцию. Там ей предстояло написать репортаж о театрализованном представлении в средневековом духе – *Calcio in Costumo*. Такую работу обычно поручают начинающим внештатным журна-

листам. В ответ на ее возмущение Карстен только посмеялся, добавив, что волноваться вредно – ну прямо как домохозяйке, впавшей в истерику. А ведь совсем недавно он сам назвал ее идеальной кандидатурой на пост заместителя главного редактора. Он поначалу загорелся идеей бразильского репортажа и даже обещал ей отличный гонорар.

Анна прекрасно понимала, откуда такой резкий поворот в настроении шефа. Карстен умел держать нос по ветру, дующему от руководства издательства. Такое бывает. Он не собирался тратить свое драгоценное время на обновление несколько обветшавшей и изрядно запылившейся рубрики «Вокруг света». На репортаж из Бразилии требовался целый месяц работы. Анна долго копалась в архивах, готовила материалы по теме, установила контакты с известными людьми Бразилии, с отелями, владельцами ресторанов, даже собрала команду фоторепортеров. Все это делала она, не Карстен, помимо своей рутинной редакционной работы. Для поездки в Бразилию у нее было все готово. Ей и фоторепортерам оставалось лишь сесть в самолет. И тут такой сюрприз. Теперь ей придется ехать поездом. И куда? Всего лишь во Флоренцию!

Анна взглянула на часы, висевшие на противоположной стене. Без пяти пять. Конец рабочего дня. Она поднялась и задула свечу. Конечно, она и сегодня могла бы задержаться на работе. Дел было невпроворот: просмотреть фотоснимки для репортажа из Стокгольма, поговорить со Штефи из фоторедакции о внесении некоторых поправок. Она могла бы

и сама еще раз проверить материал, но статья выйдет лишь через месяц. Для журналиста такой срок сравним с вечностью. А когда придет время править статью, что же, не обязательно давать в любимый женский журнал, да еще в сентябрьский номер, всегда только первоклассные материалы. А если их качество повлияет на рейтинг, она не виновата. Пускай теперь Сюзанна думает о рейтинге. В прошлые два месяца она работала так много, что теперь может себе позволить недельку посидеть дома. Гори все синим пламенем! Может, действительно, так и сделать, подумала Анна, беря сумку. Остаться дома, отоспаться, заняться чем-нибудь приятным, в конце концов, насладиться этим чудесным летом, вместо того чтобы вечно торчать в редакции? Пусть Карстен и везет воз, если такой идиот.

– Ты что, домой? – спросил коллега Анны, встретившийся ей в коридоре.

– Уже пять часов, Том. Конец рабочего дня.

Не дожидаясь ответа, она села в лифт, ведущий в подземный гараж. Здесь не было ни одного свободного места. Необычная картина. Когда Анна уходила с работы, здесь, на стоянке № 3, как правило, стояли две машины – ее и Карстена. Маленькой машины вишневого цвета, на которой ездила Сюзанна, в такой час уже давно не было. Она всегда куда-то торопилась: то у нее танцы, то конный спорт (у нее была собственная лошадь). Так-так, теперь голубушке придется отказаться от одного из своих хобби. У заместителя главного ре-

дактора свободного времени не так уж много.

Сев в машину, Анна включила двигатель и выехала из гаража. На выезде ее задержал гаражный контролер господин Пахульски. Он приветливо ей улыбнулся и удивленно спросил:

– Еще только пять часов, а вы уезжаете? На вас непохоже, фрау Нимейер, – сказал он своим приятным восточно-пруссским говорком.

– В такую погоду грех сидеть на работе. Думаю, издательство не пострадает, если я уйду на два часа раньше.

– Я вам всегда говорю, вы слишком много работаете, никто «спасибо» не скажет. – Он нажал кнопку, чтобы выпустить ее. – Хорошего отдыха вам, милая барышня.

– Спасибо, господин Пахульски, – ответила Анна, помахав ему рукой. Как это забавно прозвучало: «милая барышня».

Анну все знали как трудоголика. Она любила свою работу, любила журнал, словно была его издателем. Каждая страница журнала, по убеждению Анны, должна быть безукоризненной. Чтобы выдать первоклассный материал, она не жалела сил и времени, не спрашивала о гонорарах или отгулах за сверхурочные. Анну знали все – от уборщиц-турчанок, которые приходили поздно вечером, спрашивая разрешения обратиться в ее кабинете, до старика Пахульски. Единственным человеком, который, по-видимому, этого не знал, был ее шеф.

Задержавшись на светофоре, Анна взяла с соседнего сидения мобильный телефон и набрала номер любимой подружки.

– Привет, Анги, это Анна. Слушай, мой ангел, не хочешь ли встретиться? Мне нужна твоя моральная поддержка. Ты не поверишь, что со мной случилось... Отлично. Встретимся через полчаса перед зданием «Леванте». Пока.

Анна откинула мобильник на панель управления и тронулась. На светофоре уже давно горел зеленый свет, и водители задних машин нетерпеливо гудели и ругались, будто каждая секунда их времени была на вес золота и каждый из них был исключительно VIPом. Как же глупы мужики. На следующем светофоре все равно всем пришлось ждать.

Размышляя, как ей припарковать машину недалеко от «Леванте-хауса», она рассеянно наблюдала, что делается впереди. В этот момент дорогу переходили два господина в костюмах в тонкую полоску: один говорил по мобильному, другой шел с кейсом под мышкой. «Наверняка адвокаты», – подумала Анна. В этом квартале Гамбурга было полно офисов и крупных концернов с собственными штатами юристов. У светофора стояла парочка восточного вида, с растерянным видом изучавшая план города. Молодая девица с растрепанными длинными волосами вяло тащилась по тротуару. Грязные брюки волочились по асфальту. Наверняка, наркоманка, не туда забрела. Неподалеку находился вокзал. Девица явно ошиблась улицей. Здесь все принадлежало клеркам и юри-

стам, банкирам и страховым служащим. А эти господа, как известно, наркотиками не торгуют.

Анна нервничала. Ее бесили пробки на улицах Гамбурга. Неужто нельзя отрегулировать светофоры, чтобы водители не простаивали у каждого столба по полчаса? Вдруг взгляд ее привлекла витрина небольшого художественного салона. Анна даже не подозревала о его существовании. Галерея находилась примерно в двадцати метрах, в боковой улочке, ведущей к главной дороге. Прямо перед входом в галерею оказалось свободное местечко, чтобы припарковать машину. Повезло. Как говорят на Востоке – «кисмет». Судьба.

Наконец дали зеленый свет. Анна включила поворотник и резко повернула вправо, в сторону галереи, где было свободное место. За ней снова поднялся вой гудков, слышались проклятия типа «баба за рулем», «тупая корова», но Анна пропустила их мимо ушей. Схватив сумочку, она вышла из машины и по узкой дорожке прошла к витрине. Она находилась в состоянии транса, на ходу чуть было не столкнувшись с пожилым велосипедистом. Велосипед качнулся, но старик удержался в седле и, как ни в чем не бывало, поехал дальше. Анна с удивлением посмотрела ему вслед, потом уставилась на витрину. Она даже сняла солнцезащитные очки, чтобы лучше рассмотреть то, что там увидела.

В витрине была выставлена одна-единственная картина – не большая, но настолько выразительная, что рядом с ней не было места ничему другому. Краски – от широкой зо-

лотистой полосы до темно-красного тона полотна – излучали необыкновенную силу. Картина была написана так интенсивно, что сразу бросалась в глаза даже на расстоянии. Не случайно Анна заметила ее, еще сидя в автомобиле. Казалось, что картина горит и пылает, и чем больше Анна разглядывала ее, тем больше раскалялось полотно, словно кто-то сзади мехами поддувал огонь. Картина изображала пустынный пейзаж – где-нибудь на американском Среднем Западе или в Австралии. А может, это был чистейший плод фантазии художника. Никакого сюжета: широкая песчаная полоса, в правом углу картины – скалистый массив наподобие того, что находится в «Долине памятников», и темно-красное небо. Ничего больше. Но, несмотря на минимум деталей, Анна не могла оторвать глаз от картины. В этом полотне был огонь. Оно таило страсть, дышало, обладало душой. Прошло, наверное, не менее пяти минут, когда Анна взглянула на название и автора картины: «ZENO. The glowing» («Зено. Мерцающий свет»). Какое точное название! В затылке начало пощипывать. Это всегда случалось с Анной, когда она видела истинное произведение искусства. Не раздумывая, она толкнула дверь галереи.

– Добрый день, – поприветствовала она молодую сотрудницу, сортировавшую открытки с репродукциями. – Я бы хотела купить картину с витрины.

Полчаса спустя Анна вместе с подругой Ангелой сидели в одном из уличных кафе на улице Менкенберг-штрассе. В

Гамбурге в эту пору было необычайно тепло, и людей неудержимо тянуло сюда. Улица находилась между гигантскими универмагами, и даже в жаркий летний день здесь удавалось найти тень и прохладу. Было больше пяти вечера, многие горожане, возвращаясь с работы, заглядывали в витрины магазинов и наслаждались летним теплом. Немногие кафе, которые стояли под открытым небом, были переполнены, но, несмотря на это, подругам удалось найти свободный столик в любимом баре. В ожидании заказанного мороженого Анна закурила, рассказывая подруге про Карстена и его поведение. Когда она закончила рассказ, Ангела не сразу заговорила.

– Да, ты заслужила место заместителя главного редактора, – проговорила она наконец. – Работала как лошадь, и я вполне понимаю твою реакцию. Но ведь ты сама еще недавно хвалила Сюзанну, говорила, что она хорошая журналистка. Если я правильно тебя поняла, место заместителя было уже predetermined. Ты выставляла свою кандидатуру, Сюзанна тоже. И вы не единственные, кто претендовал на этот пост. Неважно, что Карстен тебе его обещал. Он ведь официально не подтвердил свое решение. Поэтому ты не могла рассчитывать на него на сто процентов. Для бразильского репортажа ты еще не написала ни слова, а я помню, как много ты работала над другими статьями, которые в результате вообще не вышли. Тебе бы следовало...

– Значит, ты считаешь, что мне незачем волноваться по

этому поводу?

Анги положила руку на плечо подруги, чтобы успокоить ее.

– Нет, я так не считаю, но ты же знаешь Карстена. Не ты ли всегда ругала его за то, что он не умеет держать слово? Обычно ты объясняла это его слабохарактерностью, тем, что он обязан своим постом отцу, который играет в гольф с вашим издателем. А сейчас ты ущемлена, разочарована, оскорблена. Твоя реакция мне понятна, но я подозреваю, что истинная причина кроется в другом. Хочешь знать мое мнение?

– Ну, говори.

– Думаю, что если бы тебя послали в Будапешт или Краков, ты бы не волновалась. Тебя бесит, что Карстен посылает тебя именно во Флоренцию, – Анги улыбнулась. – И тут возникает вопрос: почему тебе так не хочется ехать во Флоренцию?

Анна нахмурилась, выпустив дым сигареты и стряхнув пепел в пепельницу. Ангела фон Вардер была не только ее лучшей подругой, которая знала ее как свои пять пальцев. Она была успешным психологом, имела собственную практику в Пезельдорфе, где лечила от неврозов, депрессий и наркомании представителей высшего общества Гамбурга. Она привыкла анализировать поступки и чувства своих пациентов и в отношениях с друзьями не изменяла своей привычке.

– Разве это непонятно? – спросила Анна, продолжая нервничать. – Я много работала в архиве. В семидесятих годах

мы были первым женским журналом, который напечатал материал о Флоренции. Мы были первопроходцами. В восьмидесятых наш журнал был непревзойденным в этом вопросе, в девяностые – все обращались к нам за консультацией, учитывая наш опыт в этом регионе. С тех пор командировка в Тоскану для меня такая же рутина, как изучение английского в средней школе. Могу поспорить, что свыше сорока процентов наших читательниц имеют загородный дом или квартиру или регулярно снимают жилье в районе виноградных плантаций Тосканы, а остальные шестьдесят процентов – хотя бы однажды побывали в тех краях. Отодвинув от себя пепельницу, чтобы освободить место для вазочки с мороженым, она покачала головой. – Такой темой никого не удивишь. Даже в Гельзенкирхен интереснее съездить.

Ангела подняла свои ухоженные, тщательно выщипанные брови.

– Тебе не кажется, что ты сейчас неправа?

– Поверь, я знаю, о чем говорю, – возразила Анна, затушив сигарету и приступая к мороженому. – Что касается Флоренции, то за последние тридцать лет мы напечатали в журнале все, что можно сказать о Флоренции, включая этот фестиваль. Не забывай, что я прожила там целых три года.

Анги внимательно смотрела в лицо подруги из-за высокой вазочки с мороженым.

– Весьма примечательно, что ты упомянула об этом, – заметила она вскользь. На самом деле, это был один из ее «про-

вокационных» приемов, которыми она пользовалась в своей работе, – он помогал «вытащить клиента из резерва», как выражалась Ангела. Анна знала этот трюк, долго общаясь с подругой. Но, несмотря на это, клюнула и попалась на ее удочку.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ничего, абсолютно ничего, – с невинностью Адама и Евы перед грехопадением ответила Ангела. – Я только хочу сказать, что не всем женщинам, в том числе читательницам вашего журнала, выпадает счастье провести три года во Флоренции.

– Послушай, Анги, я знаю, куда ты клонишь, – решительно возразила Анна. – Ты хочешь сказать, что я еще не пришла в себя после истории с Роберто? Уверяю тебя, ты ошибаешься. Роберто со всем его благородным семейством мне совершенно безразличен.

– Неужели? – Анги сдвинула наверх солнечные очки и посмотрела на Анну спокойным профессиональным взглядом психолога, которому ясна картина болезни и который не терпит возражений. Однако в ее глазах была искренняя забота о подруге. – Ты ведь любила Роберто. А то, что он с тобой сделал, как себя повел – вместе со всем своим семейством, – чтобы избавиться от тебя, – это самое настоящее свинство. Любой из твоих друзей свернул бы ему шею. Но не забывай, что Роберто – это еще не вся Флоренция.

Анна шевелила ложечкой в бокале. Ей больно было слы-

шать это, но Ангела была права. Она действительно изо всех сил противилась поездке во Флоренцию, чтобы ничто не напоминало ей о Роберто и о его семействе, о том омерзительном письме, которое оказалось сильнее их любви, вернее, того чувства, которое они принимали за любовь. Аналитический ум подруги часто пугал Анну.

– Позволь дать тебе совет, – сказала Ангела. – Исполни данное поручение и жди своего шанса. Пусть твой бразильский репортаж пока отлежится в письменном столе. Поезжай во Флоренцию. Не борись с воспоминаниями, даже если они причиняют тебе боль. Смотри врагу в глаза и постарайся понять, что он ничтожество. Только так ты можешь полностью освободиться от него.

– Спасибо за совет, – едко ответила Анна. – Гонорар перевода на твой счет в банке.

– Не надо язвить. Для друзей моя помощь ничего не стоит, – сказала Анги. – Анна, я хочу только одного – чтобы ты перестала сохнуть по этому типу. Он не стоит клочка бумаги, на котором напечатано его свидетельство о рождении. Просто поезжай во Флоренцию и пойми, что он не стоит твоего мизинца.

Некоторое время они сидели молча и ели мороженое. Наконец Анна глубоко вздохнула.

– Знаешь, что, – начала она, – кажется, ты права, хотя я не уверена, что все получится, как ты говоришь.

– Когда состоится Calcio in Costume?

– В последнее воскресенье августа, – ответила Анна, отодвигая от себя пустую вазочку. – У меня еще есть время, чтобы привыкнуть к этой мысли.

Анна во Флоренции

Вытащив из вагона чемодан и оказавшись на железнодорожном вокзале Випитено, Анна вспомнила слова Ангелы: «Не борись с воспоминаниями... Смотри врагу в глаза...» Легко говорить. Вряд ли ей поможет шоковая терапия.

Было около десяти вечера. Четверг. В это время Анна должна была уже находиться в уютном, теплом, комфортабельном спальном вагоне первого класса и засыпать под мерный стук колес. Но итальянские железнодорожники как раз сегодня объявили забастовку. Таким образом, она и фотограф Торстен, вместо того чтобы медленно подъезжать к Флоренции, застряли в тирольских Альпах. Анна нервно расхаживала по вагону, ежась от холода. От ледяного ветра, свистящего по перрону, не спасала даже толстая шерстяная кофта. Собирая вещи, она ориентировалась на летнюю температуру и не была готова к вынужденной остановке в горах.

Анна нервно посматривала на электронное табло, на котором уже в течение десяти минут огромными буквами рядом с указанием поезда «Firenze-Sciopero» прочно зависло слово «Забастовка». Больше никаких пояснений. Когда поезд продолжит свой маршрут? Ни слова. Хотя дураку было понятно, что пассажиры не собираются покидать вагон и со-

вершать экскурсию по близлежащим окрестностям.

Торстена это, казалось, совсем не беспокоило. С олимпийским спокойствием он расстегнул молнию на куртке, словно сложившаяся ситуация доставляла ему наслаждение. С невозмутимостью буддистского монаха он закурил сигарету, в ответ на что Анна чуть не разразилась бранью. Слава богу, у него хватило такта предложить сигарету и ей.

– Надеюсь, скоро поедем, – переминаясь с ноги на ногу, чтобы хоть немного согреться, заметила она. – Лично у меня нет никакого желания провести здесь всю ночь.

– Послушай, стоит ли так волноваться? – спросил он, отбрасывая со лба прядь не совсем чистых волос. – Мы же не на Северном полюсе, что с нами случится? Я помню, как мы целую неделю торчали в Андах: сломался наш автобус. В горах ни души. Еды никакой. Вот так и провели с урчащими желудками целую неделю при температуре минус пять градусов. А ночью пришлось спать в спальных мешках, глядя на ястребов в небе. А здесь – что с нами может случиться? Камеры и пленка надежно упакованы – не страшен ни дождь, ни мороз. Смотри на все с юмором. Зато будет что рассказать после. Больше суток нас не продержат.

– Что? Больше суток, ты сказал? – От злости Анна стиснула зубы, чтобы не взорваться. У них во Флоренции напряженная программа. Она уже назначила ряд встреч со знаменитостями. В субботу их пригласили на традиционный флорентийский обед. Кроме того, она собиралась посетить сред-

невековый базар, чтобы заснять пару колоритных мотивов. А в воскресенье – спектакль, после которого они ночным поездом отправляются из Флоренции домой. Времени на Флоренцию останется совсем немного. Побродить по Понте Веккио и посидеть в небольшой trattoria Джанкарло рядом с Санта-Мария дель Фьоре, по-видимому, не удастся. А Торстен радуется. Что хорошего, торчать здесь в такой холод? – Мы не можем так долго ждать. Завтра рано утром нам надо быть во Флоренции. В крайнем случае, придется взять такси.

Торстен пожал плечами.

– Не понимаю, почему ты принимаешь все так близко к сердцу? Главное – быть в воскресенье на месте. А мы обязательно там будем, даже если придется идти пешком.

– Я уже договорила о встречах. Нас будут ждать, – распалая Анна. Она не разделяла спокойствия Торстена. Конечно, он талантливый фоторепортер. За двадцать лет журналистской практики он побывал во всех уголках мира, работая в самых сложных условиях. Он был из тех фотографов, кто, сидя на льдине в Северном Ледовитом океане, мог долгими часами ждать момента, чтобы поймать в объектив схватку белого медведя с касаткой. Анна ценила его за высокий профессионализм, но не он, а она отвечала за то, чтобы статья вышла вовремя, без опозданий. И в этом заключался ее профессионализм.

– Я вижу работника вокзала. Надо спросить, что происходит.

Анна засемила по перрону. Было холодно, и если бы пошел снег, она бы не удивилась.

– Добрый вечер, – сказала она железнодорожнику, – скажите, когда же мы наконец тронемся?

Анна сама удивлялась, с какой легкостью слетали с ее уст итальянские слова. В последние четыре года у нее не было возможности говорить по-итальянски, но этот язык, как любимую мелодию, невозможно забыть. Достаточно ей было услышать первые звуки, и мелодия полилась сама собой.

– К сожалению, на участке между Вероной, Моденой и Болоньей бастуют путевые рабочие, – вежливо ответил железнодорожный служащий, рыжеволосый мужчина со светло-голубыми глазами, вьющимися волосами и бородой, который больше походил на ирландца или шотландца, чем на итальянца. – Мы ждем поезда на Милан. Он следует в Пизу, а оттуда можно попасть во Флоренцию. Желаящие могут пересесть на этот поезд.

Анна даже прищелкнула языком: если ехать через Пизу, то получится большой крюк.

– Когда поезд прибудет в Випитено?

– Думаю, часа через два. Если забастовка не распространится по всей стране, вы будете во Флоренции около двенадцати часов.

– А можно хотя бы рассчитывать на места в приличном купе? У нас, между прочим, билеты первого класса.

Итальянец покачал головой.

– Сожалею, – ответил тот, давая понять, что забастовка его соотечественников лично ему крайне неприятна. – Обычно поезда до Милана всегда переполнены. Разумеется, мы постараемся сделать все возможное, чтобы разместить вас сообразно вашим билетам, но гарантировать ничего не могу. Мне очень жаль.

– Великолепно, – воскликнула Анна. Это значило, что они не только опаздывали на целых пять часов, но остаток пути им придется провести сидя на неудобных местах, а может быть, даже стоя.

– Можно здесь где-нибудь погреться?

– Разумеется, – ответил он с приветливой улыбкой. – В зале ожидания достаточно мест. Там можно выпить кофе и перекусить.

– Вот видишь, теряем всего два часа в Випитено, – весело заметил Торстен, когда она устроились в зале ожидания, стараясь убить время за чашечкой кофе и сигаретой.

– И что же, я должна радоваться, что могу где-то притулиться, колеся по всей Италии? – злилась Анна. На четырнадцать часов была назначена встреча с Сальваторе Феррагано, который наряду с Гуччи был одним из главных спонсоров *Calcio in Costumo*. Она попыталась дозвониться до редакции, чтобы сообщить об опоздании, но в это время там уже никого не было, и Анна оставила сообщение на автоответчике. Утром придется перезвонить, чтобы предупредить лично. Ни в коем случае нельзя рисковать встречей с Фер-

рагамо, чьи обувь и кожаные сумки носят самые красивые и богатые женщины мира.

– Расслабься, Анна, – посоветовал Торстен, удобно устроившись на сидении, словно находился не в холодном неуютном вокзале заштатного итальянского городишки, а в резиденции бургомистра – со стаканом кьянти в руке. – В конце концов, на крыше ведь мы не поедem.

Анна не ответила на его замечание. С Торстеном невозможно говорить. Он витает в облаках, не понимает, что рушатся все планы на выходные дни. Откинув со лба прядь волос, Анна пыталась согреться, обхватив руками пластиковый стаканчик. Взгляд ее скользил по перрону, пустынному и заброшенному. Лишь парочка молодых людей, тесно прижавшись друг к другу, стояла с чемоданами на пронизывающем ветру несколько поодаль. Анна поднялась.

«Наверняка ждут поезда, – решила она. Надо выйти и объяснить им, что во Флоренцию он не идет».

Поезд, обещанный дежурным по вокзалу, из-за охватившей всю Италию забастовки прибыл в Випитено лишь в два часа ночи. Последний участок маршрута оказался настоящей пыткой. До Милана они стояли, потом начались бесконечные объезды, и лишь в половине третьего на следующий день, в пятницу, прибыли во Флоренцию. Анна, при всей ее нетерпеливости, вынуждена была признать, что все могло сложиться намного хуже. Добравшись до отеля, приняв душ и часик поспав, она облачилась в костюм от Шанель и по-

что забыла о приключениях минувшей ночи. В офисе Феррагамо они встретили полное понимание: во всех СМИ целый день трубили о забастовке железнодорожных рабочих. Встреча была перенесена на семнадцать часов, и теперь после интересной беседы со знаменитым кутюрье Анна с Торстеном направлялись в маленькую тратторию Джанкарло.

Было около семи часов вечера. Все столики оказались заняты.

– Я думал, ты поведешь меня в тратторию, – зашептал Торстен, озираясь по сторонам и чувствуя себя не в своей тарелке. – А это шикарный ресторан. Пеняй на себя, если меня с позором выставят – на мне ни галстука, ни приличного костюма. И столик надо было заказать заранее.

– Не твоя забота, – заметила Анна, которая в противоположность Торстену, прекрасно чувствовала себя в подобной обстановке. На столиках из темного дерева, покрытых светлыми льняными скатертями, стояли серебристые вазы с белыми орхидеями.

Молодой официант, поприветствовав гостей, провел их к столику в глубине ресторана.

Когда Торстен изучал меню, Анна, закрыв глаза, глубоко вздохнула. Несмотря на то что обстановка траттории за это время изменилась, пахло здесь по-старому: жареным мясом, свежими помидорами, белыми грибами, трюфелями, деревом и орхидеями, любимыми цветами Джанкарло.

– Не желаешь заглянуть в меню? – спросил Торстен, про-

тягивая ей карту. – Для меня здесь ничего нет. Цены астрономические, а денег у меня кот наплакал. Ты же сказала, что мы пойдем в трагторию. . . .

– Слушай, перестань ныть, – с улыбкой перебила его Анна. Разумеется, она не сказала Торстену, что под скромным названием «трагтория» скрывался один из лучших ресторанов Флоренции. Сюда не так просто было попасть. Этот номер телефона нельзя было найти ни в одной телефонной книге, и даже в городской справке не знали о существовании этого заведения. Посетителями ресторана Джанкарло был узкий круг гурманов. Торстен явно не вписывался в эту категорию: питался он в «фаст-фудах», в основном в греческой таверне за углом, рядом с редакцией. Если бы она сказала правду, Торстена было бы не затащить сюда, а одной ужинать не хотелось. В последний раз она была здесь четыре года назад. Помнит ли ее Джанкарло, если он по-прежнему владеет трагторией? Возможно, он открыл еще один ресторан? Джанкарло был непредсказуем. В этот момент за ее спиной раздался знакомый голос:

– Не верю своим глазам. Мне это чудится или провидению было угодно снова послать во Флоренцию мою любимую подругу из Гамбурга?

Анна поднялась, чтобы поприветствовать Джанкарло, который шел навстречу к ней с распростертыми объятиями, с сияющим лицом. Он сердечно обнял ее, расцеловал в обе щеки и оглядел с головы до ног.

– Какой сюрприз и какая радость, что ты снова меня посетила! Шанель тебе очень к лицу!

Потом Джанкарло повернулся к Торстену и с вежливой сдержанностью пожал ему руку. – Это твой друг или...

– Нет, – ответила Анна, смеясь и покачав головой. – Это мой коллега, один из моих лучших сотрудников, Торстен Байер. Он фоторепортер. Мы приехали сюда в связи с репортажем для нашего журнала – о Calcio in Costume.

Она видела, как Джанкарло облегченно вздохнул. Конечно, Торстен хороший фотограф, но его вид – неухоженные волосы, пожелтевшие от никотина пальцы, отросшее брюшко и совершенно немыслимая рубашка с плохо сидящими на нем джинсами – действительно выглядел непрезентабельно, а тем более – в глазах Джанкарло, одетого в черный костюм от Готье, с которым Анна познакомилась на последнем заседании редколлегии журнала.

– Вы уже выбрали?

– Нет.

– Отлично, – сказал Джанкарло. – Тогда порекомендую вам несколько деликатесов.

– Ты можешь посидеть с нами пару минут? – спросила Анна.

– Если вы желаете...

– Разумеется, – ответила Анна, и Торстен тоже кивнул в знак согласия.

– Я только дам несколько распоряжений повару.

– Кто это был? – спросил Торстен, когда Джанкарло отошел от столика. Взгляд, которым он смотрел вслед шикарно одетому мужчине, говорил сам за себя. Он настороженно относился к таким людям.

– Это мой старый друг, – объяснила Анна. – Я знаю его по тем временам, когда жила во Флоренции.

Джанкарло вернулся с тремя бокалами и бутылкой вина, сел за их столик и налил красного вина.

– Тиньятелло, – объявил он, поднося бокал к носу и дегустируя напиток. – Простое деревенское вино, одно из моих любимых. Надеюсь, вам оно тоже понравится. – Он поднял бокал. – За вас, за радость, которую вы доставили своим посещением.

– Ты поменял интерьер, – заметила Анна после того, как они чокнулись и выпили по глотку превосходнейшего красного вина.

– Да. Тебе нравится?

– Фантастика!

Джанкарло улыбнулся, явно польщенный такой оценкой.

– Мне тоже нравится. Дизайн Джорджио. Ты ведь знакома с Джорджио?

Анна кивнула. Разумеется, она знала Джорджио. Как она могла забыть тот день, когда вместе с Роберто они гостили на загородной вилле Джанкарло, где за завтраком она познакомилась – ни много ни мало – с самим Джорджио Армани.

– Ты говоришь, что приехала в связи с Calcio in Costume?

– Да. Кроме того, надо сделать несколько снимков на средневековом базаре – чтобы создать атмосферу.

Джанкарло улыбнулся.

– Вижу, к спектаклю у тебя скептическое отношение. Не так ли?

Анна скорчила гримасу.

– Ты прав. Это не моя идея. Я считаю, что мы уже так много писали о Тоскане и наши читательницы уже наизусть знают... – Она пожала плечами. – Но мой шеф придерживается другого мнения. Сначала я собиралась просто порыться в издательском архиве, покопаться в собственной памяти и на основании этого набросать статью. Никому бы не пришло в голову, как я ее написала. Впрочем, тогда бы я не могла посетить твой дивный ресторан. А от этого грех было отказаться.

– Польщен, – сказал Джанкарло. – Но есть нечто, чего не знаешь даже ты и что тебя наверняка заинтересует. Дело в том, что в последние три года один богатый человек нашего города, Козимо Мечидеа, в связи с проведением Calcio in Costume дважды в год, в мае и августе, устраивает свой праздник. Место проведения держится в тайне. Приглашают только избранных. Известно только, что он проходит накануне Calcio in Costume – в субботу вечером. Чтобы попасть туда, необходимо личное приглашение Мечидеа. Это костюмированный бал в средневековом духе, соответствующем Calcio in Costume. Однако что конкретно там происхо-

дит, широкой публике не известно. Говорят, что это необычайно увлекательное действо. Представляешь, вся европейская знать считает за честь попасть на это представление и даже выстраивается в очередь за приглашением. Некоторые толстосумы, готовые заплатить любые деньги за приглашение, получали отказ. А тех, кто пытался подкупить служителей, с позором выставляли вон. Известно, что в мае такая участь постигла сына одного влиятельнейшего политика.

– Наверное, Мечидеа нажил себе кучу врагов?

– Нет. – Джанкарло рассмеялся. – Говорят, Мечидеа так богат, что мог бы купить всю Италию, если бы захотел.

Анна провела языком по губам. Джанкарло ее здорово заинтриговал. Такой материал мог бы стать сенсацией, журналистской бомбой. Читательницы обожают такие истории. Надо любой ценой...

– Послушай, Джанкарло, а ты не мог бы устроить мне и Торстену приглашение на этот праздник?

Джанкарло с удивлением посмотрел на нее.

– Ты хочешь сказать, что я...

– Пожалуйста, Джанкарло, – взмолилась Анна, театрально сложив руки, как в молитве. – Прошу тебя, постарайся. Кто если не ты...

Джанкарло напрягся. На лбу образовались складки. В этот момент подошел официант и что-то шепнул на ухо шефу.

– Прошу меня извинить, но я вынужден вас покинуть. Марко сообщил мне, что прибыл наш постоянный гость, ко-

тому я должен уделить внимание. Я подумаю над твоим предложением, Анна. Но ничего не обещаю.

Анна видела, как Джанкарло спешно зашагал к входу, пожал руку вошедшему гостю и лично проводил его к столику в глубине зала. Гость был хорошо сложен: темный костюм, черные волосы, бросавшаяся в глаза бледность рук и лица – возможно, по контрасту с темной одеждой. Увидев его, Анна вздрогнула: он был бледен, как призрак. Примерно так выглядел главный герой в фильме «Интервью с вампиром».

В какой-то момент взгляды их встретились, и Анну охватил ужас. Ей показалось, что кто-то вонзил ей нож в сердце. Она содрогнулась, и лоб покрылся холодным потом. Этот человек был ей незнаком. Его узкое бледное лицо она бы запомнила на всю жизнь. Особенно ее поразили глаза: темные, пронзительные, умные, полные скрытой страсти, печальные и одновременно пресыщенные.

Это были глаза очень старого человека, прожившего длинную жизнь, полную взлетов и падений. Но на вид ему было около тридцати. Анна его не знала, но по его взгляду, хотя они, без всякого сомнения, никогда не встречались, поняла, что он знал ее.

Колдунья на базаре

Служба сервиса в отеле работала безукоризненно.

Было ровно семь, когда Анну разбудил стоявший рядом с кроватью телефон, и приятный женский голос пожелал ей

доброе утра. Правда, утро не обещало быть добрым. Анна смутно ощущала, будто попала на крючок. Как только она закрывала глаза, ей чудился тот человек в черном: как он открывает рот, обнажая белые острые клыки хищника, и каждый раз она в страхе, с бьющимся сердцем и в холодном поту, вскакивала с постели. Ругая себя за то, что поддалась рассказам про вампиров – все это детские сказки, не более, – она ворочалась и долго не могла заснуть.

В три часа ночи она приняла снотворное, которое утром отомстило ей. Страшно болела голова. Хотелось еще полежать в постели, приложив ко лбу холодное полотенце, но Анна не могла себе этого позволить. Встречи назначены, и отменить их невозможно. Надо взять интервью у бургомистра, а ровно в полдень – традиционный обед по-флорентийски в ратуше. В пятнадцать часов – беседа с сотрудником фирмы Гуччи, а до этого они с Торстеном собирались еще на средневековый базар.

Анна с трудом встала и побрела в ванную. В сумочке с обычной косметикой она держала лекарства – снотворное, валерьянку, средства от укусов комаров, от ожогов, от расстройства желудка и, разумеется, аспирин. Она бросила в стакан с водой таблетку растворимого аспирина и в ожидании, когда образуется шипучка, наполнила водой ванну. Залпом выпив шипящий раствор, Анна опустилась в ванну. Хорошо, что накануне она попросила разбудить ее на час раньше. Она не любила торопиться и опаздывать. Спешка дей-

ствовала на нее, как детонатор на динамитную шашку: в висках сразу же начинали стучать молоточки. Хорошо, что можно принять ванну, а потом с ясной головой отправиться с Торстеном на рынок, чтобы поснимать, сделать необходимые записи.

Вдыхая аромат лимонной мяты, она чувствовала, что головная боль проходит, а вместе с ней – и воспоминания о том странном человеке, госте Джанкарло. Выйдя из ванны и насухо вытершись полотенцем, она вообще сомневалась в существовании этого человека, а когда начала одеваться и краситься, окончательно решила, что он ей просто-напросто приснился.

В наилучшем расположении духа она вышла из комнаты и отправилась завтракать в ресторан. Назвав свой номер, она заказала кофе, наслаждаясь обилием блюд. Такой выбор по итальянским меркам был не типичен. Торстена в ресторане еще не было, что вовсе не огорчило Анну. Напротив, она любила посидеть за завтраком одна, с газетой, потягивая отличный кофе и хрустя свежими булочками.

Она встретила с Торстеном в десять часов в вестибюле гостиницы. Он выглядел таким же помятым и неумытым, как и вчера, и Анна с трудом удержалась от вопроса, есть ли в его номере вода. Торстен был довольно обидчив, а испортив ему настроение, можно было поставить крест на работе.

– Доброе утро, – сказала она с сияющим лицом. Зачем кому-то знать, какие кошмары мучили ее сегодня ночью. –

Ну что, за дело?

– И куда мы собрались? – спросил Торстен. Голос у него был как после бессонной ночи, точно он на спор пил с рок-группой – кто кого перепьет.

– Думаю, сначала посмотрим рынок. Говорят, он открывается в десять часов. У нас еще час времени до встречи с бургомистром. Камера и пленки у тебя с собой?

Торстен кивнул, похлопав по сумке, болтавшейся у него на плече. Впрочем, об этом можно было и не спрашивать. Торстен никогда не расставался с камерой, по-видимому, даже находясь под душем. Анна не удивилась бы, если бы для этой цели ему пришлось заказать водонепроницаемый футляр.

Они сдали ключи дежурному администратору.

– Полчаса назад для вас оставили письмо, синьора Нимейер, – сообщил портье, протягивая Анне конверт с визитной карточкой от Джанкарло.

– Спасибо, – удивилась Анна, повертев карточкой. На обратной стороне характерным росчерком Джанкарло было написано: «Мне удалось выполнить твою просьбу. Увидимся вечером на приеме. Джанкарло».

Анна не сомневалась, что Джанкарло устроит ей приглашение на тот прием и, разумеется, пойдет туда сам. Без его участия не обходился ни один праздник в Тоскане.

Она принялась рассматривать конверт – узкий, продолговатый, из дорогой бумаги ручной выделки. Ее имя было

выведено витиеватыми золотыми буквами, как в старинных книгах. Конверт был запечатан красным сургучом, на котором можно было различить печать в виде горизонтальной восьмерки, окруженной венком из звезд. Анна осторожно сорвала печать и вынула листок бумаги, от которого исходил невыразимо приятный аромат, словно его специально надушили. Такой аромат был не типичен для мужских духов, которыми пользуются итальянцы. От него пахло фиалками и миндалем, как в дорогой кондитерской. Анна еще раз втянула этот аромат и начала читать письмо, написанное на изысканном старомодном итальянском языке.

«Глубокоуважаемая синьора Нимейер!

Имею честь пригласить Вас на наш скромный костюмированный бал в связи с Calcio in Costumo. В 19.45 водитель встретит Вас в отеле. После того как Вы предъявите мне приглашение, привратник проводит Вас в зал для приемов. Для приобретения соответствующего костюма рекомендую обратиться в Бюро проката одежды Саверио, Виадель Лунго, дом 34. Там Вам подберут подходящий наряд. Своим присутствием Вы окажете мне большую честь.

*Преданный Вам,
Козимо Мечидеа».*

– Что за письмо? – спросил Торстен, который, кажется, начинал просыпаться.

– Приглашение на костюмированный бал, о котором вчера говорил Джанкарло. Представляешь, он все устроил, – ответила Анна, аккуратно свернув бумагу и положив ее в сумочку.

– Костюмированный бал? – переспросил Торстен, скорчив гримасу. – Маскарад с переодеванием и прочей ерундой. Я тоже должен идти?

Анна покачала головой.

– Не беспокойся, Торстен, тебе не надо идти. Приглашение только для меня. Насколько я понимаю, синьор Мечидеа не любит, когда его гости приходят не одни. А теперь поспешим, а то не сможем посмотреть средневековый рынок.

Рынок мало чем отличался от старых немецких рынков. И в то же время в нем была своя прелесть. Вместо обычных будок и весов, торговцы соорудили ряды из деревянных досок, натянув над ними холщовые навесы. На обычных столах из грубо оструганного дерева были разложены платки, рулоны тканей, украшения, резьба по дереву. Здесь можно было наблюдать работу гончаров, оружейников, сапожников, ткачих и прочих мастеров. Торговцы и некоторые из «покупателей» были одеты в средневековые костюмы и говорили на старинном, трудном для понимания итальянском языке. Это были актеры, решившие в конце недели развлечься – окунуться в прошлое. Было заметно, что кое-кто играет свою роль, как говорится, «шаляй-валяй». У некоторых молодых

людей из-под средневековой одежды виднелись кроссовки. Они, не стесняясь, жевали жвачку. Под головными уборами поблескивали серьги и пирсинг на бровях.

Несмотря на некоторые недостатки, Анна была в восторге от общей атмосферы: из всех старинных базаров, на которых ей пришлось побывать, это был первый, где «декорации» в деталях соответствовали Средневековью. Площадь Синьории рядом с палаццо Веккио в эти выходные была закрыта для уличного движения.

Не было ни машин, ни велосипедов, не слышалось шума мотороллеров. Владельцы уличных кафе убрали стулья и столы, освободив место актерам. Средневековые фасады домов и дворцов, окружающих фонтан «Нептун», предстали во всей своей красе. Слышались лишь выкрики продавцов, торговавших восковыми свечами, шерстяными тканями и свежим хлебом, а также звуки странной музыки, под которую выступали уличные фокусники. Пестрыми группами они весело расхаживали по площади, жонглируя мячами, глотали огонь или ловко строили пирамиды.

Торстен окончательно проснулся. Он уже отщелкал целую пленку и, сунув ее Анне, заправлял новую. Он торопился заснять женщину в красивом средневековом наряде, с корзиной роз, предлагавшую всем прохожим изящные букетики. Анна искала подходящий сюжет, и вдруг его подсказал откуда ни возьмись свалившийся ей под ноги шут в маске и тесно облегающем костюме Арлекина с бубенцами, позвяки-

вающими при движении. Колокольчики украшали и мыски его шутовских туфель, и края пестрой шапки, и увешанный пестрыми лентами жезл в его руках. Это был настоящий сказочный шут, каким его изображают в детских иллюстрированных книжках.

– Синьора, прекрасная любезная синьора, добро пожаловать в наш город, в нашу страну и в этот мир, – выкрикивал он, вычурно кланяясь, размахивая своим скипетром, разыгрывая королевского церемониймейстера. С ловкостью лягушки он подскочил к Анне и присел на корточки. – Куда держите путь? Вы прибыли, чтобы приветствовать рождение нового дня? Спешите, а то он состарится прежде чем вы успеете его поймать.

Анна засмеялась.

– Позвольте вам помочь, прекрасная синьора, в поисках нового дня? Я только что видел его на другом конце рынка. Возможно, он еще там.

Арлекин молниеносно подпрыгнул вверх, и Анна в страхе отпрянула в сторону.

– Не бойтесь, прекраснейшая из всех роз, – сказал он, покошачьи обвиваясь вокруг ее ног. – Не надо бояться Арлекино. Он хочет только одного: сорвать улыбку с ваших прекрасных уст.

– Ну хорошо. Достаточно, – сказала Анна, вокруг которой стали собираться зеваки, жаждущие зрелища. – Хватит.

– Нет, прекрасная синьора, пожалуйста, не прогоняйте

Арлекино. – Сидя перед ней на корточках, он начал скулить и повизгивать, кататься по земле, потом лег на спину и завыл, как собака, ждущая ласки.

Анна не на шутку разозлилась. Не хватало еще, чтобы из нее делали посмешище. Она увидела в толпе Торстена, который, сложив на груди руки, вместе с другими зрителями от души веселился, наблюдая эту сцену. Она пришла в бешенство. С шутком она как-нибудь справится, но ни за что не потерпит, чтобы ее коллега потешался над ней, не пошевелив и пальцем, чтобы выручить ее.

«Ну, погоди», – сказала она, решив подыграть Арлекину, чтобы повеселить зевак.

Наклонившись, она взяла жезл шута и стала щекотать его по животу, все время приговаривая: «Хорошая собака, храбрая собака». Она позволила ему даже лизнуть свою руку, а потом, взяв пленку, которую ей несколько минут назад дал Торстен, протянула ее Арлекину.

– Фас, – крикнула она, сделав вид, что собирается бросить ее в торговые ряды.

Арлекин с громким лаем, изогнувшись, метнулся в ту сторону. Бросившись вслед за шутком, Анна заметила в толпе побледневшее от ужаса лицо Торстена.

Когда она догнала Арлекина, тот уже выпрямился во весь рост, сбросив с себя маску и отряхивая пыль со своего костюма.

– Спасибо, синьора, – улыбаясь, сказал он. – Вы здорово

мне подыграли. Большинство проходит мимо, когда я пристаю к ним. Я не очень вас утомил?

– Я охотно вам подыграла, – ответила Анна, как ни в чем не бывало, будто всю жизнь только и делала, что развлекала публику.

Молодой человек снял шляпу и отвесил ей галантный поклон. Анна ответила на него книксеном. Парень снова надел маску и исчез среди торговых рядов.

Анна огляделась. Она оказалась в каком-то тупике между рядами. Здесь было довольно тихо. Небольшая кучка народа собралась вокруг стеклодува. Люди говорили вполголоса, словно боясь громкими голосами разрушить хрупкие тонкие вазы, бокалы и графины.

В конце тупика находилась палатка, неприметная, почти сливавшаяся с фоном дворца, стоявшего позади. На ней не было никакой вывески. И несмотря на это, чем-то она привлекла внимание Анны. Вход в палатку был открыт. Анна подошла ближе.

«Это палатка писаря, – подумала она. – Во времена Средневековья немногие умели писать и читать, и, чтобы сочинить письмо, надо было обращаться к писарю».

Сгорая от любопытства, она вошла внутрь и сразу поняла, что ошиблась. С перекладин свисали связки засушенных трав, распространяя пряный запах мяты и шалфея. На стенках палатки синей краской были выведены символы – стилизованные звезды и римские цифры от I до X. На ящиках

из-под чая, служивших столиками, стояло с полдюжины горящих свечей. На табурете сидела женщина примерно одного возраста с Анной. На ней было грубое коричневое платье средневекового покроя, длинные темные волосы заплетены в тяжелую косу, перекинутую через левое плечо. «Гадалка», – решила Анна.

– Добро пожаловать, – сказала молодая женщина, приглашая Анну сесть на свободный табурет. – Присаживайтесь, синьора. Желаете заглянуть в будущее или получить зелье, чтобы мужчина вашего сердца хранил вам верность? Чем могу служить?

Анна, улыбнувшись, села на скамью.

– Ни то, ни другое, – ответила она и, достав журналистское удостоверение, показала его гадалке. – Я журналистка. Приехала из Германии. Мы работаем над репортажем о представлении Calcio in Costumo и средневековом рынке. Не могли бы вы немного рассказать о себе и своей работе?

– С удовольствием, – сказала гадалка, опуская занавес над входом. – Чтобы нам никто не помешал... – пояснила она и снова села напротив Анны.

– Вас зовут...

– Арианна, – ответила она. – Как вы, вероятно, догадались, я здесь играю роль «стреги», то есть колдуньи. Раньше на каждом рынке была гадалка, которая могла гадать по руке и продавала молодым девушкам и юношам «любовный напиток». Это была часть базарной жизни.

– А как к этому относилась церковь? Кажется, к гадалкам и колдунам со стороны общества всегда было предвзятое отношение? Ведь, в сущности, это пережитки язычества, как говорится, бесовщина.

– Конечно, во многих городах и деревнях колдуньи не смели показываться на глаза людям, чтобы не рисковать жизнью, не угодить в тюрьму или сгореть заживо на костре. – Она улыбнулась. – Однако Флоренция, насколько мне известно, не относилась к их числу. Город терпимо относился к таким вещам. Были, конечно, случаи, когда люди жаловались на рыночных гадалок, что, дескать, пора от них избавляться, но церковь смотрела на это сквозь пальцы, как на безобидную забаву. Гадания ведь стары как мир, и церковь проявляла мудрость и не запрещала их. Так она сохраняла контроль над «стре-гой», с которой заключила как бы негласное соглашение: «стрегу» не трогают, пока она не выходит за рамки гаданий и предсказаний, ограничиваясь снотворными и приворотными зельями, которые идут на благо семьи и брака. А взамен «стрега» в придачу к рецептам и гаданиям наставляет людей в духе повиновения церкви, советует молиться, посещать мессы, исповеди, ну и, конечно, делает немалые дары церкви. Как говорится, и волки сыты, и овцы целы. Девушки продолжают посещать гадалок, чтобы увидеть в волшебном зеркальце лицо жениха, благочестивые граждане тоже довольны, что еретичество не принимает угрожающих размеров, а церковники радуются притоку пожертво-

ваний – по праздникам и выходным дням бывает особенно много. – Гадалка улыбнулась. – Флоренция всегда была открытым городом со свободными нравами, а все флорентийцы испокон века – прирожденные банкиры и купцы.

Анна показала на предметы в корзине, стоящей на полу рядом с Арианной.

– Это атрибуты «стрегии» времен Медичи – зеркало, мешочки с травами, несколько амулетов. Мы постарались, насколько это было в наших силах, воссоздать атмосферу, близкую к тому времени. – Арианна вынула из корзины несколько мешочков. – Травы помогают при многих болезнях. Вот эта, например, помогает при бессоннице и кошмарных снах, другая – от тоски, а эта – от боли в мышцах и суставах.

Бросив скептический взгляд на мешочки, Анна повертела их в руках и принялась. Травы источали приятный аромат. «Прекрасный дезодоратор воздуха», – подумала она. Но применять их вместо медикаментов? Сомнительно.

– И они, действительно, помогают? – спросила она.

Арианна улыбнулась.

– Разумеется, это целебные травы, признанные и в наши дни. Их назначают при многих недугах. Взгляните, это лаванда, хмель, валерьяна, апельсиновые цветки, вербена, лимонная мелисса, можжевельник, арника и розмарин.

– Хорошо, что мне пока не приходилось прибегать к таким средствам, – сказала Анна, возвращая мешочки Ариан-

не. – Я лично предпочитаю таблетки.

– Вот как? А что было делать нашим предкам, когда не было больниц и страховых касс? Не многие могли позволить себе обращаться к ученым докторам. Так появились гадалки и целители. Раньше цирюльники не только брили бороды, но и рвали зубы, делали кровопускания и несложные хирургические операции. К ним-то и шли бедняки. Честно говоря, если бы мне пришлось выбирать между целителем, который лечит травами, и средневековым врачом, применявшим, как правило, кровопускание или уринотерапию, я бы предпочла первого.

Анна кивнула. Арианна была права, мысль оказаться в руках цирюльника, который грязными щипцами рвет тебе зуб, была ей неприятна.

– А для чего зеркало? – поинтересовалась она.

– В этом зеркале, – ответила гадалка, запустив руку в корзину, – девушка может увидеть лицо своего суженого. За этим к гадалке обращаются чаще всего. Есть много способов удовлетворить любопытство девушки: например, в полнолуние закопать под фруктовым деревом три монеты, а в следующую ночь – в новолуние – снова выкопать их и положить под подушку. Я могла бы назвать сотни похожих ритуалов. Здесь, во Флоренции, зеркало – самое излюбленное средство. Не желаете заглянуть в мое зеркальце? Это вам ничего не будет стоить.

Арианна извлекла из старого потертого бархатного футля-

ра зеркало и поднесла его к лицу Анны. Та медленно взяла его в руки и осторожно повертела в руках. Поскольку мать Анны когда-то владела антикварной лавкой в Гамбурге и Анне в школьные годы часто приходилось помогать матери, она умела обращаться со старинными вещами. Зеркало это было очень старым, словно сошедшим со страниц сказок братьев Гримм, с красивой текстурой дерева. Краска давно облупилась, а его ручка в течение столетий от многочисленных прикосновений рук была отполирована до блеска. Бисер, когда-то украшавший рамку, ручку и обратную сторону зеркальца, потрескался или частично осыпался. Но, несмотря на это, зеркало было прекрасным. Поверхность зеркального слоя оставалось по-прежнему ровной и гладкой. Лишь по краям были видны следы ржавчины.

«Предположительно, пятнадцатый век, – подумала Анна, – если не древнее». Без сомнения, это было драгоценное зеркало.

Анна поднесла зеркало ближе, чтобы увидеть в нем свое отражение. «Свет мой зеркальце, скажи, кто на свете всех милее, всех румяней и белее», – вспомнился ей детский стишок. Она улыбнулась. Отражение было не столь четким, как в современных зеркалах, но все же лучше, чем можно было предположить. Когда она рассматривала себя в зеркале, контуры ее лица вдруг начали расплываться и приобретать черты совсем другого человека. Они становились все отчетливее, пока не превратились в лицо молодого мужчины с тем-

ными вьющимися волосами и веселыми карими глазами. Анна так удивилась, что драгоценное зеркало чуть не выскользнуло из ее рук.

«Наверняка, здесь кроется какой-то подвох», – подумала она. Она повертела зеркало, чтобы найти механизм, благодаря которому в зеркале появилось отражение молодого мужчины, однако ничего не нашла – ни кнопки, ни рычажка, ни винтика. Снова посмотрев в зеркало, она увидела собственное лицо. Возможно, дело в температуре? По-видимому, при нагревании поверхность зеркала дает отражение другого человека?

– Сколько же лет этому зеркалу?

– Этого никто не знает, – ответила Арианна. – Один историк сказал мне, что зеркало сделано в тринадцатом веке, а может быть, и раньше.

«Это невозможно, – подумала Анна, с сомнением покачав головой. – В тринадцатом веке еще не знали термочувствительных красок. Гадалка меня дурит».

Арианна рассмеялась.

– Мне показалось, что вы увидели то, чего не ожидали увидеть.

– Да, это правда, – согласилась Анна, стараясь сохранять самообладание и возвращая зеркало гадалке. – Удивительно. Я действительно увидела лицо молодого человека. Подозреваю, что все девушки во все времена видели в зеркале одно и то же лицо. Признаться, мне совершенно не понятно, как

это получилось. Вы можете мне объяснить?

Арианна покачала головой.

– Зеркало, синьора, показывает лицо будущего супруга той женщины, которая смотрит в него. А эти лица всегда разные.

Она вложила зеркало в футляр и поставила обратно в корзину – аккуратно и бережно, нежно поглаживая его.

– К сожалению, больше сказать ничего не могу. Поймите, это наша семейная тайна.

«Гадалка говорит, как все остальные фокусники, не желающие выдавать своих трюков, – подумала Анна. – Однако каждый трюк можно объяснить. Надо только хорошенько напрячь мозги или с помощью журналистского приема разговорить фокусника и заставить его выдать секрет».

– В Гамбурге есть один иллюзионист. В его варьете я видела похожий номер. Дело в том, что отражающая поверхность зеркала состоит из двух слоев, и каждый слой в зависимости от температуры тела...

– Не трудитесь, синьора, – прервала ее Арианна, – я больше не скажу ни слова.

– Но мне так хотелось разгадать секрет, – сказала Анна и поднялась. – Я отняла у вас много времени. К тому же я опаздываю на встречу. Спасибо вам за помощь. Кстати, откуда у вас такие познания про колдунов и гадалок во Флоренции?

– Я давно занимаюсь этим делом. Можно сказать, с дет-

ства, – ответила Арианна, поднимая занавес. Анна была журналисткой и не могла не понять по тону гадалки, что та не сказала ей и половины правды. «Наверняка, сама из «стрегги», – решила она. – Желаю вам успехов и хорошего репортажа. Может быть, еще увидимся.

– Может быть, – ответила Анна и, протянув на прощанье руку, покинула палатку. Размышляя о секрете зеркальца, она вдруг ощутила тот же запах, который исходил от письма Мечидеа, – чудесный аромат фиалок и миндаля. В этот момент очертания торговых рядов поплыли перед глазами, расплываясь все больше и больше.

«Кажется, я теряю сознание», – подумала Анна. Она поискала взглядом, к чему бы прислониться, и присела на скамью. Не хватало еще растянуться на земле.

Мимо прошли несколько человек, не обратив на нее никакого внимания. Все были одеты в средневековые костюмы, в руках несли хлеб, овощи и колбасы. Из одной корзины высовывалась голова забитого фазана.

«Овощи? Фазан?» – мелькнуло в голове Анны. На рынке она не видела никаких овощей и дичи. На этом рынке вообще не торговали продовольствием. А фазан был явно настоящий – никакой не муляж. До нее донеслись приглушенные голоса – словно уши заложили ватой. Она слышала ржание лошади и грохот повозки по брусчатке. Бульжники показались ей крупнее, чем в тот момент, когда она пришла на рынок. К тому же они были мокрыми, как после дождя, хотя в

Италии в этот период стояла невероятная жара.

Вероятно, проехала поливочная машина, решила Анна.

Потом зазвучал колокол – громко и надрывно. Раз, два, три...

– Анна! Пять, шесть...

– Анна! Восемь, девять...

– Анна, куда ты пропала, черт побери? Ты не в своем уме?

Десять, одиннадцать...

Кто-то схватил Анну за плечо. Казалось, она только что очнулась от долгого сна. Ощупав голову, она открыла глаза и увидела Торстена.

Торстен выглядел разъяренным: лицо побагровело от злости, со лба на нос свисала прядь сальных волос.

– Ты что, совсем рехнулась? – заорал он. – Как ты могла выбросить мою пленку?

Он был вне себя.

– Я не выбрасывала, – ответила Анна, удивившись тому, что ей стало трудно выговаривать слова, словно она отходила от наркоза.

– Я сам видел, как ты швырнула мою пленку.

– Ты ничего не видел.

В голове у нее все прояснилось, будто ничего и не было. Достав пленку из кармана, она сунула ее под нос Торстену.

– Вот твоя пленка. Я только сделала вид, что швырнула ее.

Торстен облегченно вздохнул.

– Зачем ты это сделала?

– Потому что я не выношу, когда надо мной смеются, особенно, мои коллеги. А сейчас быстро уходим отсюда. Уже одиннадцать часов. Через пятнадцать минут встреча у бургомистра.

Большой прием

После беседы с бургомистром в городской ратуше давали пышный прием с банкетом. Длинные столы ломились от яств, почти прогибаясь под их тяжестью. Все, что составляло кулинарную славу тосканской кухни, было здесь: дичь во всех вариациях, кабаньи окорока, сыры, маслины, вина, белые грибы и даже трюфели. Анна чувствовала себя поросенком, откормленным на убой, когда в три часа, попрощавшись с бургомистром, поблагодарив его за проявленное гостеприимство, направлялась к Гуччи. Здесь их ждал не менее радушный прием с шампанским и канапе. Было почти пять часов, когда Анна и Торстен покинули очаровательное общество знаменитого кутюрье. Находясь в наилучшем расположении духа и с переполненными желудками, так что о еде было страшно подумать, они сели в такси. Анна высадила Торстена у отеля, а сама поехала дальше – на Виа дель Лунго, где ей необходимо было подобрать костюм для предстоящего праздника.

Бюро проката костюмов находилось в роскошном здании эпохи Ренессанса. В витрине были выставлены всего три предмета: венецианская маска, небольшое зеркало и испан-

ский веер, однако на фоне изысканной драпировки они выглядели абсолютным эксклюзивом, как, впрочем, и бутик детской одежды по соседству, в котором даже крошечное платьице нельзя было купить менее чем за двести евро. Сгорая от любопытства, Анна переступила порог изысканного заведения.

В зале для посетителей, устланном мягкими коврами, висело не более дюжины платьев и костюмов. Особым шиком отличалось платье в стиле рококо и парик к нему, украшенный розами из нежного розового шелка.

Анну не особенно волновал вопрос о костюме для праздника, сейчас она задумалась, сможет ли подобрать здесь что-нибудь подходящее.

– Могу я чем-нибудь помочь вам, синьора? – спросила молодая женщина, стоявшая за небольшим старинным секретером и что-то записывавшая в журнале.

– Да, пожалуйста. Мне нужен маскарадный костюм для сегодняшнего бала.

– Вы синьора Нимейер? – улыбаясь, спросила девушка. – Синьор Мечидеа предупредил нас, и мы уже кое-что подобрали для вас. Не желаете пройти вместе со мной?

Анна так удивилась, что на мгновение потеряла дар речи. Молодая женщина провела ее через дюжину помещений, в которых стоял запах лаванды и кедра и слышался легкий шум работающего кондиционера и очистителя воздуха. Все комнаты были до отказа заставлены вешалками для одежды,

на которых висели сотни, если не тысячи, аккуратно упакованных в прозрачные мешки костюмов. С первого взгляда трудно было определить, сколько их здесь. Это хранилище было совсем не похоже на те бюро проката одежды с их едкими запахами полиэстра, с которыми ей до сих пор приходилось иметь дело. Анне казалось, что она попала в костюмерный цех киностудии. Это был настоящий лабиринт. Если она сейчас невзначай отстанет от девушки, то вряд ли сама найдет дорогу обратно и ее мумифицированное тело когда-нибудь найдут среди этих бесконечных рядов с костюмами.

Дойдя до самого дальнего помещения, женщина подошла к вешалке, на которой висело пять платьев. Профессиональным глазом она смерила фигуру Анны, потом внимательно осмотрела каждое платье и наконец вскрыла один чехол.

– Примерьте это. Мне кажется, подойдет, – сказала она и, сняв с плечиков из кедровой древесины висевшее на них платье, протянула его Анне. Платье было цвета кобальта с золотой каймой на вырезе. Отделки на краях не было. Анна даже слегка разочаровалась. Костюм казался ей чересчур скромным.

– Синьор Мечидеа описал вашу внешность. Голубой цвет должен подойти к вашим темным волосам.

– Я вижу, синьор Мечидеа предпочитает не полагаться на случай, – заметила Анна, не зная, восхищаться ей или возмущаться этой чертой незнакомого ей мужчины. Или он слишком предусмотрительный организатор, или же просто – дес-

пот. «Что же, через пару часов все выяснится», – подумала она.

– Я покажу вам место, где вы сможете переодеться, – сказала женщина, проведя Анну в небольшую комнату. – Если будет нужна помощь, позовите меня. Со средневековыми пуговицами одной нелегко справиться. Я буду неподалеку.

Подойдя к огромному зеркалу и посмотрев на свое отражение, Анна не узнала себя. Она выглядела купеческой женой с картины Боттичелли. Женщина критически оглядела ее с ног до головы.

– Синьор Мечидеа был прав, порекомендовав именно это платье. Оно сшито будто специально на вас. А вам самой нравится? Или вы желаете что-то другое?

– Странное платье, – ответила Анна, подумав, что женщина заметила ее разочарованное выражение лица. Анна любила маскарады, всякие переодевания, но больше всего ей нравились броские, гламурные костюмы. А это платье... как бы помягче выразиться, казалось ей несколько скучноватым.

– Но не для XV века, темы сегодняшнего маскарада, – пояснила женщина. – Синьор Мечидеа очень скрупулезен в этих вопросах и всегда просит гостей придерживаться заданной темы. Когда вы наденете подходящие туфли и украшения, обруч для волос, все будет выглядеть намного интереснее.

– А что это за ткань? – спросила Анна.

– Это шелк. Точнее говоря, натуральный китайский шелк,

сотканый знаменитым флорентийским мастером по заказу семьи Медичи – специально для этого платья, по случаю дня рождения Бернардо де Медичи, потомка по боковой линии Медичи.

– Вы хотите сказать, что это точная копия того платья, пошитая по выкройке того времени?

Молодая женщина покачала головой, и по ее улыбке Анна поняла, что допустила ляп.

– Это, разумеется, оригинал.

– Вы хотите сказать, что этому платью пятьсот лет?

– Синьора, все наши костюмы без исключения оригиналы, – пояснила женщина, как нечто само собой разумеющееся. – Например, платье, которое вы видели в первом зале, поступило к нам из Версаля. Его носила Мария-Антуанетта на одном маскараде. Возможно, это легенда, но мы с удовольствием передаем ее нашим клиентам. Трудно сказать, для какого случая оно было сшито, но доподлинно известно, что это платье принадлежало королеве. А надевала ли она его когда-нибудь или нет, сказать трудно.

Анна перевела дух. В действительности тут не прокат маскарадных костюмов, а самый настоящий музей, сокровищница исторических костюмов. Поэтому здесь множество кондиционеров и увлажнителей воздуха, как в любом музее, где собраны ценности, нуждающиеся в особых условиях хранения: защите от пыли, моли и сырости. Анна вспомнила другие костюмы, хранившиеся в других помещениях: древ-

неегипетские, греческие и римские одежды, индийские сари, японские кимоно, костюмы эпохи барокко, рококо, бидермайер и двадцатых годов прошлого века. Если женщина говорит правду, если хотя бы половина собранных здесь костюмов сохранились так же, как «ее» платье, то вся коллекция просто бесценна. От этой мысли у Анны захватило дух.

– Вы принимаете кредитные карточки? – спросила она, наивно полагая, что ее кредитки хватит на прокат оригинала средневекового костюма, – она ведь собиралась взять его лишь на один вечер.

– Не беспокойтесь, мадам. Синьор Мечидеа обо всем позаботился. Если вы не возражаете, я принесу туфли и аксессуары к платью.

Когда спустя полчаса Анна оказалась в номере отеля, усевшись на кровать, она еще не осознавала, что ее ждет. Если бы не обитая бархатом коробка, в которой лежало драгоценное платье, она сочла бы, что это сон. Но она могла физически ощутить эту плотную, слегка шероховатую поверхность шелка. И за все заплатил Козимо Мечидеа, к которому она буквально навязалась в гости. Какой широкий жест с его стороны!

Вдруг спохватившись, Анна взглянула на часы. Было четверть седьмого. Надо срочно собираться. Она пошла в ванную и открыла воду. Она тряслась, как девчонка перед первым свиданием. «Надо взять себя в руки», – повторяла она. Это всего лишь игра, пусть даже с участием элитарных го-

стей. Не более. Ей обязательно надо пойти. Что-то придется съесть, выпить, поболтать с гостями, познакомиться с новыми людьми, словом, развлечься и повеселиться. Разве она не бывала на подобных приемах? Анна пыталась себя успокоить, но ничто не помогало – она продолжала дрожать и нервничать, как лошадь перед первыми скачками.

Ровно без четверти восемь в номере зазвонил телефон, и портье сообщил, что за ней прибыл лимузин. Анна быстро оглядела себя в зеркале. Сотрудница костюмного бутика дала ей на прощание несколько советов по макияжу и прическе. Результат был потрясающим. Анны Нимейер, журналистки из Гамбурга, больше не существовало. Женщина, смотревшая на нее из зеркала, совершенно не вписывалась в современный интерьер гостиничного номера. Это была дама из другой эпохи. На месте зеркала в хромированной раме, висевшего в ванной комнате, уместнее смотрелось бы роскошное зеркало в резной золоченой раме, какие висели в музейном зале Уффици рядом с «Рождением Венеры» Боттичелли.

Анна набросила длинный плащ с капюшоном – из той же коллекции, чтобы прикрыть драгоценное платье, и на лифте спустилась в вестибюль. Шофер, ждавший ее внизу, вежливо поклонился и проводил ее к шикарному лимузину «бентли», вызывающе сверкавшему в лучах вечернего солнца. Утопая в мягком кожаном сидении супердорогого авто, Анна чув-

ствовала себя Золушкой, едущей на бал в королевский дворец. Она нервно теребила пальцами расшитый цветами шелковый ридикюль.

В него она сунула немного денег, тубик с губной помадой, пробный флакон любимых духов, зажигалку и пачку сигарет.

Чтобы убедиться в реальности происходящего, Анна больно ущипнула себя за руку и чуть было не вскрикнула. Боль была абсолютно реальной, как и ощущение тяжести массивного украшения из граната, также прилагавшегося к наряду.

Анна почти не заметила, как «бентли» тронулся. Двигатель работал практически бесшумно, колеса словно не касались асфальта. А улицы Флоренции весьма далеки от совершенства. Из двух динамиков лилась приятная джазовая мелодия. Анне казалось, что ее уносит куда-то на ковре-самолете.

Она почти полностью расслабилась, когда машина остановилась. Поездка заняла не более четверти часа. Анна даже немного расстроилась. Так можно было ехать бесконечно. Шофер открыл перед нею дверцу и помог выйти из машины. Анна снова занервничала. Она дрожала, как перед выходом на сцену, что было для нее не свойственно. Сделав пару глубоких вдохов, она заставила себя двигаться дальше. Анна окинула взглядом фасад здания, в котором должен был состояться бал. К величайшему удивлению, она узнала в нем палаццо Даванцатти, архитектурный шедевр XIV века, в ко-

тором сейчас находился Museo dell Antica Casa Fiorentina.

«Да, этот Мечидеа понимает толк в тонкостях, – думала Анна, рассматривая здание, напоминающее башню. – Недурственная декорация к спектаклю».

Она подошла к привратнику, на котором тоже был настоящий исторический костюм. Своим видом он напоминал Анне швейцарского гвардейца из стражи Ватикана, державшего в руках алебарду. Внимательно прочтя приглашение, он поднял алебарду и пропустил ее во дворец. В дверях уже ожидал слуга, который, взяв ее плащ и отнеся его в гардеробную, проводил Анну в парадный зал, освещенный тысячами свечей, где собралось множество гостей.

Анне казалось, что она попала в другую эпоху. Общество было самым изысканным: городская знать, банкиры, купцы, явившиеся сюда, будто здесь справлялась свадьба двух отпрысков влиятельнейших семейств города. Анна в нерешительности остановилась, рассматривая гостей. Внезапно к ней подскочил Арлекин, театрально расшаркиваясь. Это был уже второй Арлекин, с которым она встретилась сегодня. Правда, костюм у этого шута был намного изысканнее и роскошнее, чем у того, уличного шута.

– Приветствую вас, Анна, – раздался сзади мужской голос, и под маской она сразу же узнала Джанкарло. Он явно наслаждался своим костюмом и своей ролью. – Ты выглядишь ослепительно, словно сошла с портрета Боттичелли.

– Спасибо за комплимент, – поблагодарила Анна, сделав

книксен, – и за приглашение, которое ты мне устроил.

Джанкарло равнодушно пожал печами.

– Это было нетрудно. Синьор Мечидеа не медлил ни минуты с твоим приглашением. Но почему ты не сказала, что знаешь его.

– Что ты говоришь? – удивилась Анна. – Нет! Я его совершенно не знаю.

– Да? Странно. А у меня сложилось иное впечатление. Дело в том, что Козимо точно знал... – Джанкарло снова пожал плечами. – Впрочем, я мог ошибиться.

– Конечно, нельзя исключать, что я могла видеть синьора Мечидеа в доме Роберто. – Упоминание этого имени больно кольнуло ее. – Надеюсь, его-то здесь нет? Я имею в виду Роберто.

– Не думай об этом, дорогая, – успокоил ее Джанкарло. – С тех пор как Роберто связался с той женщиной, он для меня умер, как, впрочем, и для всего флорентийского общества.

– Ага. – Анна старалась не проявлять любопытства и, в определенной степени, злорадства, но неплохо было бы осторожно расспросить Джанкарло про Роберто. – Что ты имеешь в виду?

Джанкарло не надо было долго упрашивать. Он всегда был не прочь посплетничать. А уж когда дело касалось Роберто и его жены, он делал это с особым удовольствием.

– Умоляю тебя, Анна. Ты видела эту тетку, на которой он женился? – Он закатил глаза. – Признаюсь, я равнодушен

к внешней красоте, охотно общаюсь с красивыми людьми. Но я прекрасно понимаю, что шарм и духовность, вкус и чувство стиля, образованность и ум вполне восполняют недостатки внешней привлекательности, а холодная красота, лишённая духовности, оставляет равнодушным. Жена Роберто не обладает ни тем, ни другим. Она не только уродлива, но и глупа, к тому же страдает дальтонизмом. А ее истерический смех! Ты бы только слышала! При одном воспоминании меня пробирает дрожь. Ко всему прочему, она патологически скупа, хотя ее виноградники приносят им неплохой доход. Вина, между нами говоря, весьма посредственные. Я лично убил бы своего повара, если бы узнал, что он покупает у них вина. Правда, для вывоза они, кажется, годятся. Словом, они неплохо зарабатывают на вине, что не мешает этой особе покупать одежду в самых дешёвых магазинах. Знаю, не каждый рождается с хорошим вкусом, но в таком случае надо прибегать к услугам кутюрье или, по крайней мере, хорошего портного.

– Да, но, кажется, Роберто любит ее и...

– Любит? Не смей меня. Для этого человека не существует таких понятий, как страсть или любовь. – Джанкарло начал распалиться. – Роберто – полный идиот. У него была женщина, обладавшая всем: умом, красотой, шармом, гордостью. Но под натиском своего семейства, польстившись на пару гектаров земли в районе Кьянти Классико, он с ней расстался. Не зная обстоятельств, я бы решил, что он сошел с

ума. Но ничего подобного. Этот болван, будучи в ясном рассудке и трезвой памяти, променял богиню на прачку. И этого я не прощу ему. Но... – он глубоко вздохнул и безнадежно махнул рукой, – он получил по заслугам – обрюзг, облысел. Уважающий себя флорентиец не пустит его на порог своего дома. Я не знаю ни одного человека, кто бы не осуждал его за это. – Джанкарло положил Анне руку на плечо. – Что я еще могу тебе сказать, дорогая? Забудь этого типа. Он не стоит твоей слезинки.

Анна готова была броситься ему на шею. Джанкарло никогда не лез в карман за словом, всегда говорил, что думал. Если бы Торстен случайно оказался ее любовником, Джанкарло, не долго думая, вчера в трактире отвел бы ее в сторонку и посоветовал подумать над своим выбором. Джанкарло всегда говорил правду, и Анна очень дорожила его мнением. Итак, Роберт сник и обрюзг, с женой не повезло, его положение в обществе было незавидным. Все, что сообщил ей Джанкарло, значительно улучшило ее настроение, подействовало сильнее, чем вся аюрведа и массаж в четыре руки.

– Идем, – сказал Джанкарло, беря Анну под руку. – Больше ни слова об этом идиоте. Лучше я представлю тебе хозяина торжества. Козимо тебе понравится. Это спокойный, но очень закрытый человек. Правда, со странностями, но очень милый. Большой знаток искусства и меценат, каких Флоренция не знала со времен Лоренцо Медичи. Многие молодые художники пользуются его необычайной щедростью и вели-

кодушием. Он поддерживает молодых поэтов и писателей, спонсирует производство фильмов. Если бы не он, многие театры навсегда бы закрылись. Идем к нему. Видишь его? Он стоит там, у буфета.

Буфет был метрах в пятидесяти от них, но, чтобы пройти их, понадобились целых полчаса. На каждом шагу им пришлось останавливаться: Джанкарло знал почти всех присутствующих – это были постоянные посетители его трагтории, партнеры по бизнесу из всей Италии, знакомые из артистического мира, просто друзья. Некоторых из них Анна уже встречала на вечеринках, когда жила во Флоренции, регулярно обедая у Джанкарло. Это было время, когда они с Роберто часами спорили об искусстве, литературе и кино, по выходным дням совершали поездки в Кьянти. Анна успела стать полноправным членом новой флорентийской элиты общества, но, несмотря на это, у Анны кружилась голова от множества незнакомых лиц и имен. Они подошли к буфету.

Козимо Мечидеа был сухощав, среднего роста. Несмотря на простой черный костюм, его манеры были безукоризненны и аристократичны. На мгновение он повернулся к ним спиной, чтобы отдать распоряжения повару. Только сейчас Анна догадалась, что это был тот самый господин, которого она видела вчера в трагтории Джанкарло. Его странный взгляд преследовал ее всю прошлую ночь. Анна снова вздрогнула.

– Козимо! Друг мой, у тебя есть минутка времени? Я бы

хотел представить тебе одну прелестную синьору.

Мечидеа повернулся – спокойно и неторопливо, словно заранее знал, кого ему собираются представить.

– Синьора Анна Нимейер, – произнес он, галантно поклонившись, и поцеловал ей руку. Анна заметила легкую усмешку на его губах. – Я так и думал, что это именно вы. Очень рад наконец познакомиться с вами.

Анна попыталась улыбнуться, надеясь, что журналистский опыт, опыт общения с людьми помогут ей скрыть смущение. После его слов создавалось впечатление, будто он много лет ожидал встречи с ней.

– Благодарю вас за приглашение, синьор Мечидеа, – проговорила она, не в состоянии отвести от него глаз. Его худое, бледное, необычайно выразительное лицо, его пронзительно темные глаза обладали магической силой. Это были глаза многоопытного и мудрого, но одновременно холодного человека, словно он прожил на свете не меньше двух сотен лет. В нем было что-то дьявольское. Во времена Средневековья таких одержимых фанатиков сжигали на кострах.

– Не стоит благодарности, – ответил он с легкой усмешкой. – Надеюсь, вам понравится мой скромный праздник.

– Спасибо. Это самый необыкновенный маскарад, на котором мне довелось побывать.

– Возможно, – сказал Мечидеа. – Но лучше поговорим об этом в конце вечера. Вы еще не видели всего и не отведали ни одного блюда.

Он улыбнулся, и от его улыбки у Анны прошел мороз по коже. Что он имел в виду? Чем он собирался потчевать своих гостей? Уж не наркотиками ли?

Надо спросить Джанкарло, подумала она, но, поискав глазами друга, поняла, что он исчез. В другом конце зала она увидела двух арлекинов. Один из них мог быть Джанкарло, однако...

– Кажется, ваш друг сейчас занят, – сказал Козимо Мечидеа, – боюсь, что вам придется довольствоваться моим обществом, если даже оно вам неприятно.

– Напротив, – возразила Анна, откинув голову, и, улыбаясь, посмотрела ему прямо в глаза. – Это большая радость для меня.

– Правда?

«Если он почувствует мой страх и неловкость, я просто сбегу», – решила Анна, но все же выдержала пронзительный взгляд его темных глаз.

– Ваш маскарад проходит в необычном здании – это прекрасная декорация для спектакля, – сказала Анна, надеясь, что в процессе разговора она сможет преодолеть свой страх и Мечидеа станет доступнее для нее. – По-видимому, нелегко было получить палатцу Даванцатти для проведения вашего маскарада. Я не могу припомнить случая, чтобы музеи предоставляли в аренду для подобных представлений.

– Да, официально это действительно запрещено, – объяснил Мечидеа. – Но у меня хорошие отношения с руковод-

ством музея, и многие вопросы можно решить с помощью определенных ассигнований.

«Ассигнований»? Услышав это слово, каждый журналист сразу же наострил бы уши. Ассигнования. От этого словечка пахивало подкупом, скандалом, как говорится – чем-то жареным. Особенно в Италии. При слове «ассигнования» в ее уме сразу же возникло другое слово – «мафия».

– Что вы имеете в виду? – спросила Анна, стараясь сохранить невозмутимость. Обычно это ей всегда удавалось. Однако на ее вопрос Мечидеа только улыбнулся, видя ее насквозь.

– Это не то, о чем вы думаете, синьора Нимейер, – ответил Мечидеа. – Дело в том, что большинство этих вещей – мебель, картины – наша фамильная собственность, как, впрочем, и сам дворец. Несколько лет назад я передал его городу и финансирую содержание музея, а потому имею некоторые привилегии, как мне кажется, вполне оправданные.

Анна готова была провалиться сквозь землю. Она вспомнила, что ей рассказывал Джанкарло о Мечидеа, о его богатстве, любви к искусству, и не верить ему не было никаких оснований.

– А вы неплохо осведомлены, – сказал Козимо Мечидеа, – превосходно говорите по-итальянски, почти без акцента. Как мне рассказывал Джанкарло, вы родом из Германии. Но, несмотря на это, вас можно принять за итальянку.

– Благодарю вас, – ответила она, искренне польщенная

его комплиментом. Она действительно была ему благодарна: Мечидеа явно старался помочь ей выйти из неловкого положения, в которое она сама себя поставила. Другой на его месте мог выставить ее за дверь за подобную бестактность. – Дело в том, что я несколько лет провела во Флоренции. С тех пор здесь мало что изменилось.

– Вы совершенно правы. Город почти не изменился за все годы своего существования, – задумчиво произнес он. – Это похвально, что вы знаете историю нашего города. Тогда вам будет проще...

– Что вы имеете в виду?

Козимо Мечидеа взглянул на нее, словно очнувшись ото сна.

– Я имею в виду вашу профессию. Джанкарло рассказал мне, что вы журналистка и собираетесь писать репортаж о Calcio in Costume. – Он протянул ей блюдо, на котором в форме причудливой пирамиды было разложено печенье. – Угощайтесь. Это очень вкусное печенье, которое выпекают здесь, во Флоренции, и только во время Calcio in Costume. Мой кондитер делает его по рецептам XIV века.

Анна, улыбаясь, взяла обсыпанный миндальной крошкой шарик и внутренне напряглась. Мечидеа может потчевать ее любыми лакомствами, но он ее не проведет. Он явно что-то замышлял. У него были планы на нее – она это чувствовала. Но что? Он только что допустил промах, выдал себя – и сразу же понял это. Надо бежать. Сейчас же. Но куда подевался

Джанкарло? Что он еще рассказал этому странному типу про нее?

– Надеюсь, вы не собираетесь меня покинуть?

Голос Мечидеа заставил ее вздрогнуть.

– Нет-нет, – выпалила Анна и разозлилась на себя. Надо взять себя в руки. Что это с ней? Она всегда умела владеть собой. Если она будет и дальше так волноваться, что он подумает?

– Вы, разумеется, вольны покинуть этот дом, когда вам заблагорассудится, – сказал Мечидеа. Он кивнул одному из слуг и что-то прошептал ему на ухо. – И все же попрошу вас хотя бы немного задержаться, всего на несколько минут. Я бы хотел угостить вас одним деликатесом, так сказать, моим фирменным блюдом. Я не знаю ни одного человека, которому бы оно не понравилось. Это не отнимет у вас много времени. А потом я обещаю вам, что вызову лимузин, который доставит вас обратно в отель. Впрочем, кто знает, может быть, вы передумаете и останетесь погостить у меня.

По лицу Мечидеа нетрудно было понять, что он не отпустит ее до тех пор, пока она не попробует его фирменного деликатеса – хочет она того или нет. Более того, Анна была уверена, что Мечидеа постарается удержать ее силой, если она воспротивится. В его взгляде было нечто зловещее. Анне стало не по себе.

– Хорошо, – ответила она, не видя другого выхода. – Я немного задержусь.

– Уверю, вы не пожалеете об этом, – сказал он и слегка поклонился. – Прошу меня извинить. Слуга с подносом уже здесь, и в соответствии с традицией я сам преподношу гостям это блюдо.

Мечидеа отошел, и от его походки Анна пришла в полное изумление. Это была сцена из фильма: он вышагивал так, словно вместо рук у него были крылья летучей мыши.

Она наблюдала, как он беседовал со слугой, который нес большой серебряный поднос с гигантским кубком, издав себя казавшимся бесценной чашей, вырезанной искусной рукой ювелира из рубина или граната. Медленно, отмеривая шаг за шагом, Мечидеа в сопровождении слуги переходил от одного гостя к другому, торжественно протягивая каждому из них кубок, словно это была чаша святого Грааля. Гости отпивали по глотку и возвращали сосуд, словно совершая религиозное таинство. Разумеется, никакой крови Христа в сосуде быть не могло. По-видимому, это напиток, содержащий наркотик, героин или кокаин, преподносимый в столь необычной форме, или какое-то другое зелье, рецепт которого известен лишь одному человеку – Козимо Мечидеа.

Анна судорожно обдумывала, как ей сбежать. Волнение ее нарастало. Она наблюдала за гостями, один за другим припадавшими губами к таинственному сосуду. Джанкарло тоже сделал глоток, за ним Арлекин прикоснулся к кубку. Анна напряглась. Пускай другие выстраиваются в очередь за сим «удовольствием». Ее никто не заставит пить это подо-

зрительное зелье. Ни за что! Анна заметила: все двери зала были наглухо закрыты, и перед каждой из них стоял охранник. Куда бы она ни метнулась, пытаясь спрятаться от взгляда Мечидеа, он пристально следил за каждым ее движением, словно, кроме них, в зале никого не было. А ведь здесь присутствовало больше ста гостей. И вот наконец дошла очередь и до нее. Мечидеа стоял перед ней, протягивая ей кубок.

– Выпейте, Анна, – сказал он, передавая ей рубиновый сосуд. Он был по-прежнему любезен, но она чувствовала: стоит ей отказать выпить из сосуда, как маска спадет с его лица. – Пейте, и добро пожаловать в мой дом.

Она бросила отчаянный взгляд на могучего стражника, который в обычной жизни, по-видимому, был вышибалой или охранником в ресторане. Но тот, не моргнув глазом, невозмутимо смотрел мимо нее. От этого помощи не дождешься. Окинув быстрым взглядом окружающих, она заметила: никто не обращал внимания друг на друга. Возможно, все уже находились под действием напитка. В зале стоял сплошной гул. Гости болтали и смеялись все громче и громче. Джанкарло с партнером-арлекином уютно расположились на кушетке-«рекамье». Нашли друг друга и другие парочки. Гости заметно повеселели. Неужто дело в напитке? «А что, если отклонить предложение Мечидеа?», – ломала голову Анна. Нет, не получится. Если она откажется выпить из кубка, ее силой заставят сделать это. Выдавлив из себя улыбку, Анна двумя руками обхватила кубок и вдруг

почувствовала, что всецело находится в его власти.

Строго говоря, это был даже не кубок, а неопикуемой красоты большая, глубокая чаша на массивной ножке. В граненом хрустале, как в драгоценном камне, отражаясь, играли лучи света. Это был очень старый сосуд – возможно, такой же древний, как зеркало базарной гадалки. У Анны было ощущение, что она держит в руках огромный рубин. Свет восковых свечей, преломляясь в пурпурном стекле, окрасил ее руки в багрово-красный цвет, словно они были залиты кровью, а жидкость внутри чаши – тоже кроваво-красного цвета – еще больше усиливала этот эффект.

– Пейте же, Анна, – настоятельно повторил Мечидеа. На этот раз слова его прозвучали как приказ.

«Надо действовать», – решила Анна. Что, если уронить сосуд на пол? Нет! Тогда он разобьется на тысячи осколков, а это равносильно тому, если бы она своими руками уничтожила «Мону Лизу». Такой грех она не возьмет на душу. Ни за что. Проще всего притвориться, что делаешь глоток – если постараться, никто ничего не заметит. Даже Мечидеа.

Она поднесла кубок к губам, твердо решив не пить ни капли. Однако, наклонившись над сосудом, она почувствовала непреодолимый соблазн попробовать этот источающий дивный аромат фиалок и сладкого миндаля напиток. Это был тот самый запах, которым было надушено приглашение Мечидеа и который преследовал ее на рынке. Сама того не осознавая, Анна сделала глоток и пришла в ужас от своего по-

ступка. Первой ее мыслью было выплюнуть жидкость, бежать в ванную комнату, чтобы ее вырвало. Однако в этот момент произошло невероятное: по всему рту разлился изумительный вкус нежных фиалок, сладкого миндаля и душистого меда, волнуя и пробуждая фантазии. Перед ее глазами возникли темно-лиловые бархатистые лепестки фиалок, миндаль цвета слоновой кости и золотистая прозрачность меда. В этот момент она уже не испытывала страха и сомнений. Они сменились беззаботной веселостью и ощущением счастья. Анна почувствовала себя свободной и окрыленной, находясь в состоянии легкого опьянения. «Явный наркотик», – подумала она, однако эта мысль вовсе не была пугающей. Напротив. Если это действительно наркотик, то наверняка легкий и безобидный. Правда, она никогда не пробовала наркотиков и не знала, как они действуют. Все окружение отнюдь не представлялось ей в каком-то искаженном или уродливом виде. Анна испытывала лишь ощущение чуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.